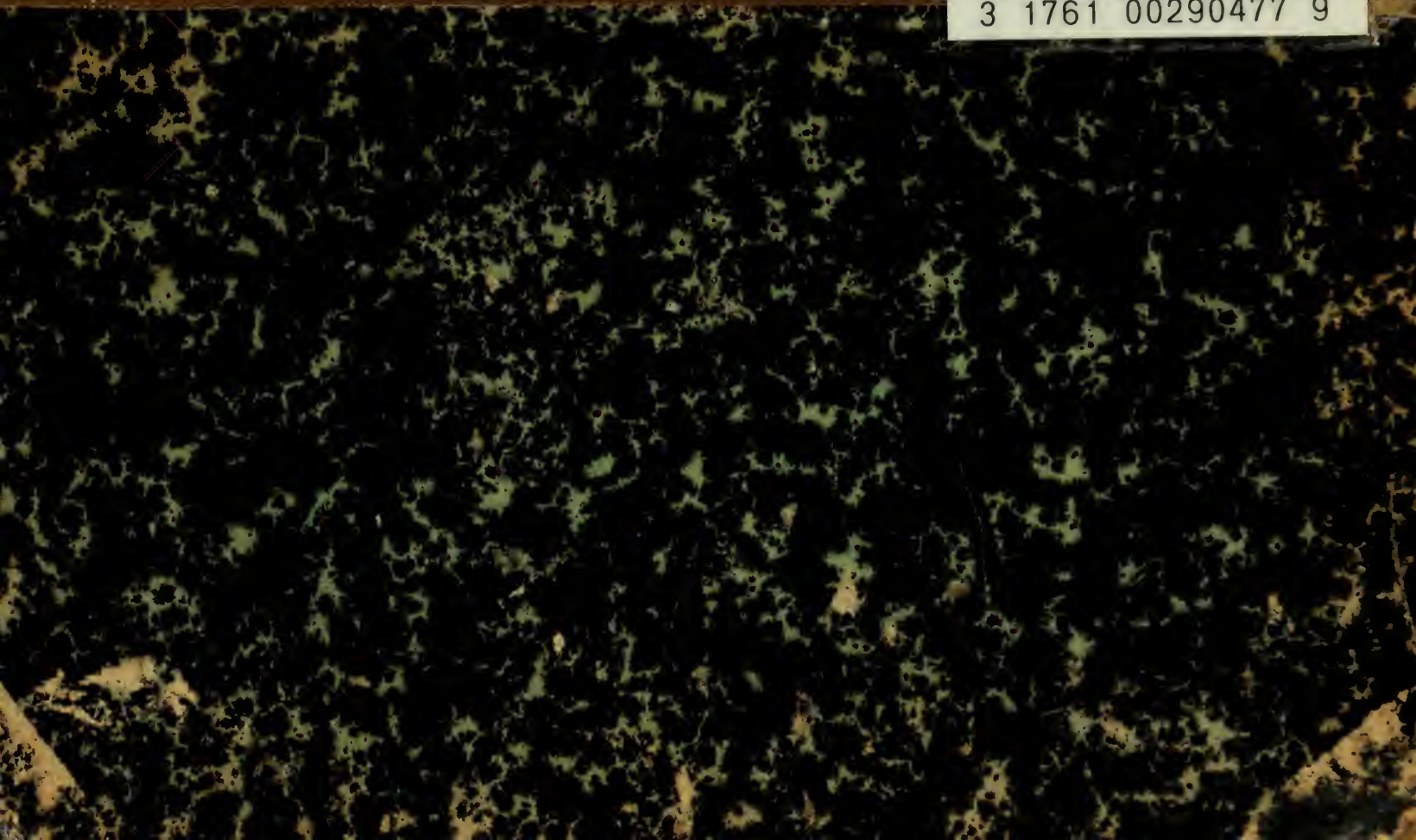
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00290477 9



Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
Carlton University
Ottawa

Германовичъ
КАНЪ

Кандид
Михаила Германовича
КАНЪ

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/moskvavrodnopoez00pono

МОСКВА ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗІИ

Для любителей напечатаны особенные экземпляры этого изданія, въ большомъ форматѣ, именно:

100 экз. на слоновой бумагѣ, каждый за нумеромъ (арабскими цифрами) 3 р. экз.

6 экз. на ватманской бумагѣ, каждый за нумеромъ (римскими цифрами) 10 р. экз.

ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—3

Pomoznarev, Stepan Ivanovich

МОСКВА

ВЪ

РОДНОЙ ПОЭЗІИ

Moskva v rodnoi poézii

СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. И. ПОНОМАРЕВА

„Люби, люби Москву,
будешь веселѣе."
Карамзинъ.

„Что матушки Москвы
и краше и милѣе!"
Дм. Дмитріевъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1880

PG
3232
P6

LIBRARY
DEC 27 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

521704

Пьесы, вошедшія въ составъ сборника, расположены по однородности содержанія и въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ. Редакторъ отклонилъ отъ себя право выбирать и браковать: онъ составлялъ не букетъ, а сборникъ. Пусть высказывается чувство къ матери у всѣхъ ея дѣтей, въ комъ сердце заговорило. Иное—можетъ быть, и лучшее—не вошло, потому что нельзя было достать его.

Михаилъ Германовичъ
КАНЪ

I

МОСКВА И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ

Москва! какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!

Пушкинъ.

Фамусовъ.

А, батюшка, признайтесь что едва
Гдѣ сыщится еще столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра!

Грибоѣдовъ.

I.

ВЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ.

Но вотъ ужь близко... Передъ ними
Ужь бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ! Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной,
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ, вотъ ужь по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стая галокъ на крестахъ.

1830 *А. Пушкинъ.*

II.

МОСКВА.

(отрывокъ).

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій знаменитыхъ мать!
Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ:
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ!

1823 *Ив. Дмитріевъ.*

III.

ВЪ МОСКВѢ.

(отрывокъ).

Я здѣсь! Да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя!
Здѣсь наша матушка-Россія
Семисотлѣтняя жива!
Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавръ и хмѣль народа,
Все, все!.. Да здравствуетъ Москва!

Какими думами украшенъ
Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
Бойницъ, соборовъ и палатъ!
Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть... Эти главы
Святымъ сіяніемъ горятъ...
О, проклятъ будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины,

Кто на нее печать наложитъ
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дѣло пѣснопѣній,
Поэты наши! Для стиховъ,
Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
Своенародныхъ вдохновеній.

1831 *Н. Языковъ.*

IV.

МОСКВА

(отрывокъ).

Предъ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой, блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала:
Аркада длиннаго моста
Бѣлѣла ярко. Чуденъ, пышенъ,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всѣми зданьями возвышенъ,
Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотыя;
Межъ ними царственно горѣлъ
Иванъ Великій. Садъ красивой,
Кругомъ твердыни горделивой
Вiяся, живо зеленѣлъ...

1831 *Е. Баратынскій.*

V.

МОСКВА.

Близко... Сердце встрепенулось;
Ближе... ближе... вотъ видна!
Вотъ открылась, развернулась,
Храмы блещутъ: вотъ она!
Хоть старушка, хоть сѣдая,
А все пламенная,
Свѣтозарная, святая,
Златоглавая, родная,
Бѣлокаменная!

Вотъ она!—Давно-ль изъ пепла?
А взгляните, какова!
Встала, выросла, окрѣпла—
И по прежнему жива;
И пожаромъ тѣмъ жестокимъ
Сладко память шевеля,
Вьется поясомъ широкимъ
Вкругъ высокаго Кремля;

И спокойный, величавый,
Бодрый сторожъ русской славы—
Кремль—и красенъ, и великъ;
И свѣтла, златовѣнчанна,
Колокольня Іоанна
Движетъ звучный свой языкъ,
Только съ бурей поборолась,
Глядь—опять въ лучахъ горитъ
И во весь свой мѣдный голосъ
Съ Божьимъ небомъ говоритъ;
И кресты церквей далече,
Въ радость сердцу и очамъ,
Идутъ, въ золотѣ, навстрѣчу
Золотымъ небесъ лучамъ;
И за гранями твердыни,
За щитомъ крутой стѣны,
Живы таинства святыни
И святыня старины.

Городъ—дóсыта простору!
Городъ—есть на что взглянуть!
Городъ—подъ гору да въ гору!
Такъ и эдакъ повернуть!
Онъ не въ вытяжку, нестройно,
Но широко, но спокойно
На холмахъ по барски легъ,
Далъ разгулъ своимъ палатамъ.

И разсыпался по скатамъ,
И раскинулся какъ могъ;
Старымъ навыкамъ послушный,
Онъ съ улыбкою радушной
Сквозь растворъ своихъ воротъ;
Всѣхъ въ объятія зоветъ.
Много прожилъ онъ на свѣтѣ,
Помнитъ предковъ времена,
И въ живомъ его привѣтѣ
На распашку Русь видна.

Русь... блестящій въ чинномъ строѣ,
Ей Петрополь голова;
Ты ей—сердце ретивое,
Православная Москва!
Хладный, стройный, многодумный,
Онъ, воспитанникъ Петра,
Полнъ заботою разумной
О стяжаніи добра;
Онъ—питомецъ полуночи—
Къ морю Финскому приникъ;
У него Россіи очи,
Слухъ, и дума, и языкъ.
А она, Москва родная,
Въ грудь Россіи залегла
И въ себѣ родного края
Типы жаркіе сплела,

И богата русской кровью,
И кипучею любовью
Къ славѣ царской горяча,
Исполиновъ коронуетъ,
И трезвонитъ, и ликуетъ,
Бьетъ по всѣмъ струнамъ съ плеча.
Но когда ей угрожаетъ
Силы вражеской напоръ,
Для себя сама слагаетъ
Славный жертвенный костеръ,
И враговъ завидя знамя,
Къ древней близкое стѣнѣ,
Повергается во пламя,
И красуется въ огнѣ,
И, какъ фениксъ, вылетая
Изъ трескучаго огня,
Снова блещетъ золотая,
Съ кликомъ: Русь! цѣлуй меня!

Вл. Бенедиктовъ.

VI.

МОСКВА.

(отрывокъ).

Но, вотъ сверкая передъ ними
Церквами яркими своими,
Москва раскинулась вдали.
Златой вѣнецъ ея свѣтился
Въ нарядѣ утреннихъ лучей;
Лихой ямщикъ остановился,
Снялъ шапку, осадилъ коней,
И трижды набожной рукою,
Любуясь старою Москвою,
Перекрестился передъ ней.

Москва! изобразить дерзну-ли
Тебя, любимицу мою?
И пѣсню бѣдную сложу-ли,
Мой славный городъ, въ честь твою?
Не новость для тебя привѣты,
Ты для поэзіи свята,

Твои дѣла давно воспѣты,
Твои пѣвцы не мнѣ чета!
Они прославили столицу
И звонкой пѣснію внесли
Въ бытописаніе земли
Краснорѣчивую страницу!
Она святымъ горитъ огнемъ,
Она святой облита кровью,
И славныхъ дѣлъ на ней съ любовью
Мы слѣдъ кровавый узнаемъ...

Но наша древняя столица
Не только въ этомъ мастерица;
Бранить худыя времена,
Враговъ свести, друзей разсорить,
Поврать, посплетничать, повздорить,
Она и въ этомъ страхъ умна.
Знать, надъ старушкою моею
Судьба старушекъ всѣхъ сбылась;
И пошутилъ-бы я надъ нею,
Да жаль, что шутка не далась...

Но я замѣчу мимоходомъ
То, что замѣтили и вы
Въ глухихъ предмѣстіяхъ Москвы,
Когда предъ вами хороводомъ
Толпа цыганокъ молодыхъ

Кружилась въ пляскахъ огневыхъ,
При этихъ бѣшеныхъ забавахъ,
Быть можетъ думали и вы
О поведеніи и нравахъ
Негодной вѣтренной Москвы:
Она, степенная такая,
А съ наслажденіемъ глядитъ,
Какъ передъ ней полунагая
Цыганка смуглая дрожитъ,
Играетъ, ждетъ, стыда не видно,
Зоветъ, роскошна и дика...
Глядѣть на это очень стыдно,
А я глядѣлъ издалека.

1839 *Эд. Губеръ.*

VII.

КЪ МОСКВѢ.

Въ Москву съ послѣдняго ночлега
Лихая тройка мчитъ меня;
Морозомъ скована земля;
По ней звуча катитъ телѣга.
Чего-то ждетъ душа моя...
Сквозь слезъ гляжу на древній градъ:
Вотъ онъ, свидѣтель величавый
И русскихъ бѣдъ, и русской славы,
И горестныхъ моихъ утратъ...
Моихъ утратъ! Порывъ роптаній,
Умолкни здѣсь. Что̀ значу я?..
Скрижаль родныхъ воспоминаній
И царства русскаго глава!
Былаго лѣтопись живая!
Золотоглавая Москва!
Москва! предѣлъ моихъ желаній!
Гдѣ я разцвѣлъ, гдѣ я увялъ,
Гдѣ наслаждался, гдѣ страдалъ,

И гдѣ найду конецъ страданій!
Опять, опять твой вѣчный шумъ,
И говоръ жизни, и движенье
Умчатъ души моей сомнѣнья
И развлекутъ мой праздный умъ!
Пойду задумчиво бродить
Между забытыми гробами,
Пойду о прошломъ говорить
Съ твоими ветхими стѣнами,
Пролью на память прежнихъ словъ
Двѣ-три слезы отъ всѣхъ украдкой.
И позабудусь долго, сладко,
Подъ звукъ твоихъ колоколовъ.

Ф.

VIII.

ВЪ МОСКВУ!

Въ Москву, въ Москву! Въ тотъ городъ
столь знакомый,
Гдѣ родилась, гдѣ выростала я;
Откуда умъ, надеждою влекомый,
Рвался впередъ, на встрѣчу бытія;
Гдѣ я постичь, гдѣ я узнать старалась
Земную жизнь; гдѣ съ собственной душой
Свыкалась я; гдѣ сердце развивалось;
Гдѣ слезы первыя пролиты были мной!

Въ Москву, въ Москву! Но глушь уединенья
Найду я тамъ, гдѣ сиротство мое
Взросло въ семьѣ большой... Но въ запустѣнье
Превращено бывалое жилье...
Но нѣтъ слѣдовъ минувшихъ отношеній...
Года прошли,—родные и друзья
Разсѣяны; ихъ разныхъ направленій
Теперь не доищусь, не допытаюсь я!

Въ Москву, въ Москву!.. Душа при этомъ словѣ
Не задрожитъ, не вспыхнетъ, не замретъ;
И нѣтъ у ней привѣта на готовѣ
Для родины; и сердце не поетъ
Возврата пѣснь: я чту и уважаю
Нашъ древній Кремль и русской славы гулъ,
Я старину люблю и понимаю,—
Но городъ безъ друзей мнѣ холодъ въ грудь
вдохнулъ.

Есть край другой... Туда мои желанья,
Мои мечты всегда устремлены...
Тамъ жизни блескъ и всѣ очарованья
Познала я... тамъ сердцемъ скрѣплены,
По выбору, всѣ узы дружбы сладкой;
Тамъ нѣсколько прожито свѣтлыхъ дней;
Тамъ счастіе заманчивой загадкой
Мерещится вдали душѣ моей.

Теперь въ Москву! Могиламъ незабвеннымъ
Свой долгъ отдать, усопшихъ помянуть,

И о живыхъ, по взморьямъ отдаленнымъ
Разметанныхъ, подумать и вздохнуть!
И Богъ то вѣсть! Быть можетъ невзначайно
Судьба и тамъ порадуетъ меня,
И счастлива свершеньемъ думы тайной,
На родинѣ родное встрѣчу я,

1840 *Графиня Е. Растопчина.*

IX.

ВИДЪ МОСКВЫ.

О, какъ пуста, о, какъ мертва
Первопрестольная Москва!
Ее напрасно украшаютъ,
Ее напрасно наряжаютъ...
Огромныхъ ратей стройный видъ,
Фонтаны, выдумка Востока,
Вездѣ чугунъ, вездѣ гранитъ,
Сады, мосты, объемъ широкій
Несмѣтныхъ улицъ—все блеститъ
Изящной роскошью... все ново,
Все жизни ждетъ, для ней готово,
Но жизни нѣтъ!.. Она мертва,
Первопрестольная Москва!..
Съ домовъ боярскихъ гербъ старинный
Пропалъ, исчезъ... и съ каждымъ днемъ
Разсчетливымъ покупщикомъ,
Въ слѣпомъ невѣдѣньи, невинно,
Стираются слѣды вѣковъ.

Слѣды событій позабытыхъ,
Слѣды вельможей знаменитыхъ
Обычай, нравы, духъ отцовъ—
Все измѣнилось! Просвѣщенье
И подражанье новизнѣ
Ужь водворили пресыщенье
На православной сторонѣ.
Гостепріимство, хлѣбосольство,
Накрытый столъ, и настежь дверь
Преданьемъ стали... и теперь
Витійствуетъ многоглагольство
На скучныхъ сходбищахъ, взамѣнъ
Веселья русскаго. Все глухо,
Все тихо вдоль кремлевскихъ стѣнъ,
Въ церквахъ, соборахъ; и для слуха
Въ Москвѣ отрада лишь одна
Высокой прелести полна:
Одинъ глаголъ всегда священный,
Наслѣдіе былыхъ временъ,
И какъ сердцамъ понятенъ онъ,
Понятенъ думѣ умиленной!
То—вѣщій звукъ колоколовъ!
То гулъ торжественно-чудесный,
Взлетающій до облаковъ,
Когда всѣ сорокъ сороковъ
Взываютъ къ благости небесной!..
Знакомый звонъ, любимый звонъ,

Москвы наслѣдіе святое,
Ты все былое, все родное
Напомнилъ мнѣ... Ты сопряженъ
На вѣкъ въ моемъ воспоминаньи
Съ годами дѣтства моего,
Съ рожденьемъ пламенныхъ мечтаній
Въ умѣ моемъ. Ты для него
Былъ первый вѣстникъ вдохновенья;
Ты въ томный трепетъ, въ упоенье
Меня вседневно приводилъ;
Ты поэтическое чувство
Въ ребенкѣ чуткомъ пробудилъ;
Ты страсть къ гармоніи, къ искусству
Мнѣ въ душу пылкую вселилъ!
И нынѣ гостьей отчужденной
Когда въ Москву вернулась я,—
Ты вновь привѣтствуешь меня
Своею пѣснію священной
И лишь тобой еще жива
Осиротѣлая Москва!

1840 *Графиня Е. Ростопчина.*

X.

ГРАФИНѢ РАСТОПЧИНОЙ.

(По поводу двухъ предыдущихъ пьесъ)

Какъ сердцу вашему внушили
Къ родной Москвѣ такую спѣсь?
Ея жъ любимицей не вы ли
Такъ мирно разцвѣтали здѣсь?
Не васъ должна-бъ суетъ гордыня
Вести къ хулѣ своей страны;
Хоть петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

Когда-бъ не въ старомъ градѣ этомъ
Впервой на свѣтъ взглянули вы,
Быть можетъ, не были-бъ поэтомъ
Теперь на берегахъ Невы.
Москвы была то благостыня,
Въ ней разыгрались ваши сны;
Хоть петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

Ужель Москвы первопрестольной
Вамъ мертвъ и скученъ дивный видъ?
Предъ ней, хоть памятью невольной,
Ужель вашъ взоръ не заблеститъ?
Ужель для сердца тамъ пустыня,
Гдѣ мчались дни его весны?
Хоть петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

Иль вашихъ думъ не зажигая.
Любви вамъ въ душу не вселя,
Васъ прикрывала тѣнь родная
Семисотлѣтняго Кремля?
Здѣсь духа русскаго святыня,
Живая вѣра старины;
Здѣсь, петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

1841 *К. Павлова.*

XI.

МОСКВА.

Столица древняя, родная,
Ее-ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать—и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.
У ней—съ землей одна невзгода,
Одно веселье, общій трудъ.
Ея дѣла—любовь народа—
Ей право первенства даютъ.
За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая полчища племенъ;
За Русь не разъ она терпѣла
И поношеніе и плѣнъ.
Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла—
И съ нею Русская земля.
Ея удѣлъ—всегда тревожить
Враговъ Россіи заклятыхъ.

Ее унизить, уничтожить
Не разъ пыталась злоба ихъ,
Но, въ страхъ врагамъ, но въ радость краю,
Она, великая, сильна,—
И старый кличъ я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

К. Аксаковъ.

XII.

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ деревья;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это матушка-Москва!

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,—
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,

И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

1841 *Ѳед. Глинка.*

XIII.

МОСКВА.

День тихихъ грезъ, день сѣрый и печальный.
На небѣ тучъ ненастливая мгла,
И въ воздухѣ звонъ переливно-дальный,
Московскій звонъ во всѣ колокола.

И вызванный мечтою самовластной,
Припомнился нежданно въ этотъ часъ
Мнѣ часъ другой,—тогда былъ вечеръ ясной,
И на конѣ я по полямъ неслась.

Быстрѣй, быстрѣй! и у стремнины края
Остановивъ послушнаго коня,
Взглянула я въ просторъ долинъ: пылая,
Касалось ихъ уже свѣтило дня.

И городъ тамъ палатный и соборный,
Раскинувшись широко въ ширинѣ,
Блисталъ внизу, какъ-бы нерукотворный,
И что-то вдругъ проснулося во мнѣ.—

Москва! Москва! что въ звукѣ этомъ?
Какой отзывъ сердечный въ немъ?
Зачѣмъ такъ сроденъ онъ съ поэтомъ?
Такъ властенъ онъ надъ мужикомъ?

Зачѣмъ сдается, что предъ нами
Въ тебѣ вся Русь насъ ждетъ любя?
Зачѣмъ блестящими глазами,
Москва, смотрю я на тебя?

Твои дворцы стоятъ унылы,
Твой блескъ угасъ, твой гласъ утихъ,
И нѣтъ въ тебѣ ни свѣтской силы,
Ни громкихъ дѣлъ, ни благъ земныхъ.

Какія жъ тайныя понятья
Такъ въ сердцѣ русскомъ залегло,
Что простираются объятья,
Когда бѣлѣешь ты вдали?

Москва! въ день страха и печали
Храня священную любовь,
Не даромъ за тебя же дали
Мы нашу жизнь, мы нашу кровь.

Не даромъ въ битвѣ исполинской
Пришелъ народъ сложить главу,

И палъ въ равнинѣ Бородинской,
Сказавъ: „Помилуй, Богъ, Москву!“

Благое это было сѣмя.
Оно несетъ свой пышный цвѣтъ,
И сбережетъ младое племя
Отцовскій даръ, любви завѣтъ.

1844 *К. Павлова.*

XIV.

НАШИМЪ ПОРИЦАТЕЛЯМЪ.

Вы дивитесь, что мы славимъ
Нашу древнюю Москву,
Что высоко въ пѣсняхъ ставимъ
Царства русскаго главу!

Прежде насъ поэты жили,
Выше былъ ихъ пѣсенъ даръ:
Не Москвѣ ли посвятили
И они восторга жаръ?

Дайте городъ намъ преданій,
Дайте городъ намъ другой,
Гдѣ завѣтъ воспоминаній
Былъ бы голосъ вѣковой!

Духа русскаго твердыня,
Въ смутахъ, въ пламени жива,
Вѣры, древности святыня,
Гдѣ другая есть Москва?

1847 *М. Дмитріевъ.*

XV.

МОЛИТВА ИВЕРСКОЙ.

Источникъ отрады священной и чистой,
О жаркія слезы! Безъ звука, безъ словъ,
Я лилъ ихъ предъ образомъ Дѣвы Пречистой,
Предъ образомъ древнимъ, что столько вѣковъ
Чудесно стоитъ у завѣтной твердыни,
И въ свѣтлыхъ лампадахъ не гаснетъ елей,
И съ вѣрой, съ молитвами, дивной святыни
Устами касаются роды людей.

И въ радости сердца, въ мечтѣ непонятной,
Я долго предъ образомъ древнимъ стоялъ,
И рдѣлъ милосердіемъ Ликъ Благодатной,
И трепетнымъ людямъ покровъ обѣщалъ.
И внутреннимъ голосомъ несъ я моленья:
О дай, Непорочная, жизни святой,
Дай чистыхъ желаній, дай слезъ и терпѣнья,
И думъ изступленныхъ мятежъ успокой!

Е. Милькѣевъ.

XVI.

КРЕМЛЬ.

Склони чело, Россіи вѣрный сынъ:
Безсмертный Кремль стоитъ передъ тобою;
Онъ въ буряхъ возмужалъ — и, рока властелинъ,
Собравъ вѣка надъ древнею главою,
Возвысился могучъ, неколебимъ,
Какъ геній славы надъ Москвою!

Здѣсь гордый умъ смиренъ, окованы мечты,
Но сердце русское исполнено отрады;
Порой устремлены къ землѣ нѣмые взгляды:
Тамъ, въ прахѣ—искрятся великіе слѣды.

Н. Станкевичъ.

XVII.

МОСКВА и КРЕМЛЬ.

Въ глуши лѣсовъ непроходимой,
Гдѣ вѣчно слышался звѣрей бродячихъ вой,
Пустынникъ жилъ, Букалъ, надъ быстрою рѣкой,
Хранимый дланью невидимой.
Простая хижина, молитвы малый домъ
И въ немъ креста изображенье.
Сосновый, бѣдный тынъ кругомъ—
Вотъ было все тогда пустынное селенье!
Казалось, кто къ нему проложитъ трудный путь?
Быть можетъ, сбившійся съ дороги,
Въ часъ грозныхъ бурь ночныхъ и общія тревоги,
Зайдетъ туда одинъ прохожій отдохнуть!
Казалось, въ жертву лишь забвенья
Все здѣсь судьбой обречено:
И этотъ домъ молитвъ, и кровъ успокоенья,

Куда пустынникомъ одно принесено
Въ грѣхахъ святое покаянье!
Казалось, все одной могилы достоянье,
Все вмѣстѣ съ старцемъ здѣсь умретъ!
Замолкнетъ гласъ его, сокроется святыня—
И мрачная, опять безлюдная пустыня
Права свои назадъ возьметъ!

Смотрите: гдѣ же этотъ боръ?
Гдѣ эти топи и трясины?
Уже съ кремнистыя вершины
Сіяетъ къ вамъ крестомъ Спасителя Соборъ [1]),
И стѣны тянутся съ высокими зубцами!
За сими жъ грозными-стѣнами
Вы видите Царей священный, пышный домъ!
Вы слышите: шумятъ повсюду восклицанья,
Гремятъ оружія, несутся ликованья,
И жизнью все кипитъ кругомъ!
О, вѣрно добраго пустынника моленье
На этотъ брегъ крутой, гдѣ мрачный боръ
дремалъ,
Отъ неба призвало покровъ, благословенье—
И градъ, обширный градъ, какъ исполинъ
возсталъ!
Отсюда, родину безцѣнную спасая,

[1]) Соборъ Спаса на бору, первая церковь въ Москвѣ.

Димитрій въ страшный бой съ дружинами
летѣлъ [1]);
Отсюда Іоаннъ, къ Казани поспѣшая,
Войной отмщенія въ Ордѣ Златой гремѣлъ;
Здѣсь мощный Годуновъ, ревнитель просвѣ-
щенья,
Рукой державною науки насаждалъ [2]);
Здѣсь мудрый Алексѣй законы управленья
Во благо родины писалъ [3]);
Здѣсь нашъ родился Петръ—и вотъ вѣнецъ
всей славы,
Всѣхъ пышныхъ почестей твоихъ!
Отсюда потекли всѣ новые уставы,
Какъ быстрыя струи источниковъ златыхъ!
Здѣсь нашъ родился флотъ и наши легіоны—
Залогъ грядущаго величья и побѣдъ!
И удивленный ими свѣтъ
Не зрѣлъ уже для нихъ нигдѣ ни въ чемъ
препоны!
Они въ позднѣйшихъ временахъ,
Какъ эхо, при Чесмѣ, Кагулѣ повторились—
И вновь со славой подружились
При Нови, Рымникѣ, на Сенскихъ берегахъ—
И лавръ зеленый завѣщали

[1]) Дмитрій Донской на отраженіе Мамая.
[2]) Царь Борисъ любилъ европ. просвѣщеніе.
[3]) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

Россійскому царю на греческихъ поляхъ
И въ дальнихъ Азіи странахъ—
И мощнаго вождя стократно увѣнчали!
Но какъ исчислить тѣ края,
Тѣ горы, долы и моря,
Гдѣ нашъ парилъ орелъ двуглавый—
Питомецъ брани, вѣстникъ славы?

Взойдемъ ли мы на ту вершину ближнихъ горъ,
Гдѣ стелются внизу зелеными коврами
Обширные луга, гдѣ свѣтлыми струями
Волнуется рѣка, и бросимъ быстрый взоръ
Отъ юга къ сѣверу—и что же предъ собою
Увидимъ мы тогда? Съ возвышенной главою,
Средь тысячи палатъ и храмовъ и домовъ,
Стоитъ чудесный Кремль, и блескъ его крестовъ
Лазурный свѣтъ небесъ лучами разсѣкаетъ—
И взоръ конца Москвы вдали не достигаетъ!
О, сколько подвиговъ, бореній, дѣлъ благихъ
Свершилось нѣкогда на сей землѣ священной,
И кровію сыновъ своихъ
И кровію враговъ средь битвы упоенной!
Не здѣсь ли доблестный Пожарскій нашъ
гремѣлъ
Перуномъ мщенія и казни?
Не здѣсь ли сей герой, безъ страха, безъ
боязни,

Въ сомкнутые ряды противниковъ летѣлъ?..
Тогда отчизны край, увы! былъ сиротою:
Въ немъ не было царя, но мощной онъ рукою
Повергнувъ пришлецовъ, его намъ указалъ—
И миръ и тишину отчизнѣ даровалъ!
И Кремль по прежнему съ утесистой вершины
Взглянулъ съ веселіемъ на градъ и на равнины!
Объ этотъ старый Кремль, какъ будто о скалу
Въ нашъ вѣкъ разбилася вся мочь Наполеона!
Съ побѣдныхъ колесницъ онъ здѣсь сошелъ во мглу,
Какъ сходятъ въ мрачный гробъ съ возвышеннаго трона.
И ты, казалося, погибла вмѣстѣ съ нимъ,
Москва, покрытая вокругъ опустошеньемъ!
Пожаръ все истребилъ, и къ алтарямъ святымъ
Проникло мрачное безмолвье съ запустѣньемъ!
Но Царь небесъ въ своихъ неизслѣдимъ путяхъ!
Ты съ новой красотой и славою возстала!
Глава Кремля вновь засіяла
Въ златыхъ, блистающихъ лучахъ!
И вновь воздвиглися и храмы и чертоги!

Народомъ заперлись безлюдныя дороги,
И голосъ зашумѣлъ на торжищахъ твоихъ!
Теперь что съ красотой твоей, скажи, сравнится?
Въ гранитныхъ берегахъ рѣка твоя струится.
И тысячи садовъ раскинулись на нихъ!
Москва! Москва! о, родина святая
Великихъ, доблестныхъ мужей!
Красуйся, торжествуй, всегда благословляя
Удѣлъ своихъ счастливыхъ дней!

А. Волковъ.

XVIII.

КРЕМЛЬ.

За тучами чуть видима луна;
Бѣлѣетъ снѣгъ въ туманномъ освѣщеньи
Безмолвны стогны, всюду тишина;
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремалъ
Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой,
И колоколъ гудящій замолчалъ,
Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлой.
Какъ старый Кремль въ полночной тишинѣ
Является и призраченъ и страшенъ,
Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
И вѣя холодомъ угрюмыхъ башенъ!
Лежитъ повсюду мертвенный покой—
Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
О ходѣ времени напоминаетъ...

С—въ.

XIX.

КРЕМЛЬ.

Камни, священные камни Кремля! Вы, громады соборовъ!
Свѣтлые, съ краснымъ крыльцомъ, съ теремами царевенъ чертоги!
Башни, красивыя башни въ узорѣ изъ каменныхъ кружевъ!.
Стѣны, по коимъ могла бы съ конями пройти колесница!
Русь воедино связалъ вѣковой вашъ незыблемый поясъ!...

Гдѣ благовѣстный звонъ Руси, во дни ея ликованій,
Царскихъ, народныхъ торжествъ, звончѣе кремлевскаго звона?
Гдѣ, въ дни былые, созывный набатъ на Руси былъ слышнѣе?

Чуть желѣзнымъ своимъ языкомъ и литыми
изъ мѣди устами
Нашъ Великій Иванъ взговоритъ—Русь ту
рѣчь разумѣетъ!

Сколько именъ, о Москва! и привѣтливыхъ,
и величавыхъ,
Дѣти тебѣ воздаютъ! и мало ли ласковыхъ
прозвищъ!
То бѣлокаменной, то златоглавой тебя вели-
чаютъ!
Видно, сроднились съ тобой, воспитавшей
ихъ горькую юность;
Видно, помнятъ, что много за нихъ ты, какъ
матерь, страдала!
Разъ лишь твой Кремль задрожалъ, какъ
извергъ изъ себя чужеземца,
Двадцать народовъ съ собой приманившаго
на пиръ незваный!
Любишь гостей ты, Москва; но на нихъ ме-
довъ не достало!

Угостила по русски ты ихъ: истопила ты баню,
Да пустила, попаривши, ихъ поваляться по снѣгу!

1845 *М. Дмитріевъ.*

XX.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ.

Гостепріимная Москва,
Ты колыбель моихъ мечтаній,
Твой Кремль свидѣтель торжества,
Скрижаль гранитная преданій!
Въ немъ стонетъ гулъ колоколовъ
Надъ царственной семьей гробовъ.
Люблю тебя! съ завѣтной думой
Бывало часто я бродилъ
Близъ поучительныхъ могилъ...
Я помню памятникъ угрюмой—
И какъ забыть? Во гробѣ томъ
Спитъ Іоаннъ могильнымъ сномъ.
Я тяжкой правдой вспоминанья
Его миръ хладный нарушалъ,
И талисманомъ заклинанья
Изъ гроба призракъ поднималъ.
Москва, люблю твой Кремль смиренный!
Подъ ѣдкой ржавчиной вѣковъ

Стоитъ онъ, старовѣръ нетлѣнный,
Въ сосѣдствѣ тлѣнья и гробовъ
Воспоминаніемъ украшенъ!
Тамъ богатырь, начальникъ башенъ,
Его поставилъ Годуновъ,
Чтобъ онъ изъ вѣчныхъ житницъ Неба
Добылъ кусокъ насущный хлѣба [1]).
Гигантъ, люблю твой царскій гулъ!
Несомый въ воздухѣ привольномъ,
Лишь онъ бывало не тонулъ
Въ аккордѣ мѣдно-колокольномъ!
Какъ чудно слушала Москва
Его разгульныя слова!
Онъ молвитъ: разъ, онъ молвитъ: два,
Онъ молвитъ: три... хоръ мѣдный грянетъ:
„Вставай Москва!“... Старушка встанетъ,
И, слыша отгулъ вѣковой,
Крестится дряхлою рукой!

---

[1]) Ивановская колокольня построена Годуновымъ во времена голода.

Пока Россія не забудетъ
Святой, полезной старины—
Бѣда тому, кто льва пробудитъ
Жезломъ погибельнымъ войны!
Его когтей сильна свирѣпость,
Какъ ровъ ихъ язва глубока:
Московскихъ стѣнъ ничтожна крѣпость,
Но грудь сыновъ Москвы крѣпка!...

Грибоѣдовъ.

XXI.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ.

Ты будешь мнѣ памятенъ, Кремль злато-
главый,
Могучій, державный, исполненный славы
И нашей святыни родной!
Мятежно и бурно текли надъ тобой
Вѣка: но не дрогнувъ подъ ихъ тяготою,
Ты принялъ ее на свои рамена,
Окрѣпнулъ, хранимъ Провидѣнья рукою—
И дивно украсился ты лѣпотою,
И громкая доля тебѣ суждена!

Ты царственнымъ окомъ всю Русь обни-
маешь:
Какъ опытный старецъ, минувшее знаешь,
Какъ мужъ, ты на новое смотришь орломъ!
Люблю я тебя, когда преданъ покою,
Безмолвный надъ вѣчно-немолчной Москвою,
Стоишь ты, съ нахмуреннымъ думой челомъ

Люблю и въ ту пору, когда благовѣстникъ
Молитвъ, иль народныхъ торжествъ провозвѣстникъ,
Твой колоколъ грянетъ—и радостно ты
Внимаешь, какъ по небу звукъ его чистый,
Волнуясь, несется, протяжный, сребристый,
Далече съ твоей высоты!

Свои ты врата распахнулъ, какъ объятья,
Да общей семьи неизмѣнныя братья,
Что къ сердцу бѣгущая кровь,
Отвсюду къ тебѣ приливаютъ: встрѣчаешь
Радушно ты всѣхъ—и на всѣхъ навѣваешь
Къ родимому краю любовь!

Туда притекайте искать врачеванья
Вы, хилыя жертвы недуговъ, страданья!
Давъ ницъ предъ великой святыней Москвы,
Молитесь, о други!—и снова, какъ было,
Проявится свыше ей данная сила—
И здравы возстанете вы!

Въ Кремль, нищая братья! Въ толпѣ разнородной,
Нарядной, разсѣянной, будто холодной,
Есть люди, съ высокой добра теплотой:
Простри только руку во имя Христово—

И ты добредешь до убогаго крова
Уже не съ пустою сумой!

Туда, перенесшій земныя утраты
Иль тяжкіе сердцу обманы, спѣши:
Тамъ Вѣра, затепливъ свѣтильникъ отрады,
Проникнетъ въ тайникъ потрясенной души—
И ей, съ благодатью цѣлебной молитвы,
Дастъ силу мужаться средь жизненной битвы,
И ждать вожделѣнной тиши!

Въ Кремлѣ собирайтеся, дѣтища Кліи!
Разгнувъ передъ вами скрижали Россіи,
Онъ выскажетъ строгую правду временъ—
И ваши писанья, ее отражая,
Дойдутъ до позднѣйшихъ потомковъ, блистая
И славою вашихъ именъ.

Поэты! идите искать вдохновеній,
Литанія думѣ, сердцамъ наслажденій
Въ нашъ Кремль, Капитолій Москвы!
Основный отечества вашего камень,
Онъ мечетъ народной поэзіи пламень,
Да имъ согрѣваетесь вы!

Коснись же ты этого камня, о юный
Литомецъ искусства!—и вѣщія струны

Дадутъ восхитительный звукъ!
Сочувственно Русь упиваться имъ будетъ;
Его же, усвоивъ, уже не забудетъ
Ни сынъ вашъ достойный, ни внукъ!

Тогда чужеземцы съ своими пѣвцами,
Молвою влекомы, къ намъ придутъ толпами
Изъ всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ странъ—
И ихъ очаруетъ гармоніей дивной,
Глубокой, нежданной, далеко-отзывной,
Дней новыхъ счастливый Баянъ!

1845 *М. Борозда.*

XXII.

КРЕМЛЬ ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса, и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно-блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безумiемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы

никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извощики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ по прежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркой звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя, какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ

ихъ скромныя гробницы—какъ это все отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движенье и суета, люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все также живетъ,—но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни, царскіе терема не безмолвны,—они говорятъ вамъ о быломъ, они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ—и бѣдствія и славу вашихъ предковъ, ихъ страданія, ихъ частыя смуты и всегдашнюю вѣру въ Провидѣнье, которое, такъ быстро, такъ дивно возвеличивъ Россію, хранитъ ее, какъ избранное орудіе для совершенія неисповѣдимыхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы окружены древнею русскою святынею, вы бесѣдуете съ нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилипшій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ земные помыслы. Мысль о безконечномъ даетъ ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не станутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и народы, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни времени, ни плача, ни страданій... Испытайте это

сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вѣрно скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вы не станете досадовать, если послушаетесь меня и побываете въ Кремлѣ, потому что онъ при лунномъ свѣтѣ такъ прекрасенъ, что вы должны непремѣнно это сдѣлать—хотя изъ любви къ прекрасному.

Мих. Загоскинъ.

XXIII.

ПАСХАЛЬНАЯ ПОЛНОЧЬ ВЪ КРЕМЛѢ.

1805 г.

Ты понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы провели съ страстной субботы на Свѣтлое Воскресенье въ нашемъ Кремлѣ. „Воистинну сія препразднественная и спасительная нощь и свѣтозарная, свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница". Мнѣ, кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. І. Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія. Мы пріѣхали въ одиннадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ какъ все безграничное Замоскворѣчье съ его храмами и высокими колокольнями горѣло уже безчисленными огнями, въ ожиданіи благословенія съ высотъ

священнаго Кремля къ началію благовѣста и затѣмъ божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго ивановскаго колокола, и въ одну минуту, какъ будто по какому-то электрическому сотрясенію, загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, послѣ получасоваго благовѣста, внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ кремлевскихъ и цѣлаго города и въ то же время изъ всѣхъ соборовъ потянулись древнія хоругви, златокованныя иконы и кресты, духовенство, въ праздничномъ облаченіи, съ дымящимися кадилами, а за нимъ тьма-тьмущая народу съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи этой божественной пѣсни: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ“; то, признаюсь, я пришелъ въ какое-то небывалое со мной положеніе, какой-то духовный восторгъ и со слезами повторилъ въ глубинѣ души моей: „и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебе славити“ всегда и повсюду, какъ здѣсь въ настоящую минуту!

С. Жихаревъ.

XXIV.

ВЕЛИКАЯ ПОЛНОЧЬ.

Съ безмолвною Москвой ждетъ русская земля
Призыва къ торжеству Христова Воскресенья—
Чу! громозвучно вѣсть спасенья
Несется въ высоты престольнаго Кремля—
И ею градъ нашъ потрясаетъ,
А стройный хоръ колоколовъ
На этотъ кличъ, на кличъ вѣковъ,
Благоговѣйно отвѣчаетъ—
И небо радостью святой
Слилось съ юдолію земной!
Мгновенье чудное!.. Отверзлись Божьи храмы
И словно яркими звѣздами
Унизаны они въ полночной темнотѣ:
Отвсюду хлынулъ къ нимъ народъ, какъ моря волны,
Туда, туда стремятся тѣ,
Чьи помыслы, въ сердечной простотѣ

Взлелѣяны и вѣры полны;
Кто въ благолѣпіи святого торжества
Зритъ и величіе, и славу Божества,
Кто со слезами умиленья
Предъ дивной правдой искупленья
Отъ дѣтскихъ лѣтъ благоговѣлъ—
И для кого огнемъ нетщетнымъ
Предъ знаменемъ новозавѣтнымъ—
Передъ Распятіемъ свѣтильникъ пламенѣлъ!

Душепитательною манной
Для вѣрныхъ чтителей Христа,
Смиренно шедшихъ по пространной
Пустынѣ долгаго поста.
Обильно падали пророковъ предреченья;
Немолчно раздавалися на ней
Благословеннаго Сіона пѣснопѣнья,
Отрадно услаждая слухъ людей—
И мнилось, что творцы тѣхъ пѣснопѣній сами,
Воспрянувъ изъ могилъ, коснулися перстами
Золотострунныхъ арфъ своихъ!
А вотъ и Дамаскинъ—святый преемникъ ихъ,
Учитель чистоты—духовная пѣвница,
Напѣвомъ ангельскимъ пасхальный гимнъ
поетъ
И вѣры теплоту въ сердца и души льетъ:
Блистаютъ радостью всѣхъ вѣрующихъ лица,

А ихъ мольбы тогда угодны небесамъ
И предъ Воскресшимъ чисты, святы,
Какъ вьющійся горе кадильницъ фиміамъ,
Какъ мироносицъ ароматы!
И что же въ силахъ мы Всесильному принесть
За подвигъ нашего спасенья,
Какъ не дары любви, молитвы и смиренья?

Но всѣмъ слышна торжественная вѣсть
И въ храмы Божіи за Божіей семьею
Да идутъ темною толпою
Нетвердой поступью и тѣ,
Чья жизнь погрязла въ суетѣ.
А помыслы—плоды преступнаго сомнѣнья
Или заносчивой лжемудрости людской—
Враждуютъ съ вѣрою... Слѣпцы! безъ откровенья
Нѣтъ цѣли бытія, нѣтъ взору просвѣтлѣнья:
Вездѣ вещественность, вездѣ туманъ густой!

Какъ прахъ, высоко вѣтромъ унесенный,
Предъ солнцемъ падаетъ, такъ помысловъ тщета,
Такъ духъ, житейскою гордыней возмущенный,
Смирившись, пасть должны предъ алтаремъ Христа—
И храмъ, чертогъ Его, всѣхъ кающихся приметъ

Да дружно брата братъ обыметъ,
Въ единомыслiи святомъ,
Найдя прямое благо въ немъ,
На зло враждующему аду
И совратителямъ умовъ,
А сердцу чистому въ отраду
И въ назиданiе вѣковъ!

М. Бороздна.

XXV.

КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе серебряные громы
Сказали вѣсть святого торжества,
И, слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,—
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья

Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья,
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

1849 *А. Хомяковъ.*

XXVI.

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ.

Опять она, опять Москва!
Рѣдѣетъ зыбкій паръ тумана,
И засіяли — голова
И крестъ Великаго Ивана!
Вотъ онъ, огромный Бріарей,
Отважно спорящій съ громами,
Но другъ народа и царей,
Съ своими ста колоколами!
Его набатъ и тихій звонъ
Всегда пріятны патріоту;
Не въ первый разъ, спасая тронъ,
Онъ влекъ злодѣя къ эшафоту!
И васъ, Реншильдъ и Шлиппенбахъ,
Встрѣчалъ привѣтъ его громовой,
Когда, съ улыбкой на устахъ,
Влачились гордо вы въ цѣпяхъ
За колесницею Петровой!
Дѣла высокія славянъ,

Прекрасный вѣкъ Семирамиды,
Герои Альповъ и Тавриды,
Онъ былъ вашъ вѣрный Оссіянъ.
Звучнѣй, чѣмъ Игоревъ баянъ!
И онъ, супругъ твой, Жозефина,
Желѣзный волей и рукой
На вѣковаго исполина
Взиралъ съ невольною тоской.
Москва подъ игомъ супостата,
И ночь, и бунтъ, и Кремль въ огнѣ—
Нерѣдко новаго Сармата
Смущали въ грустной тишинѣ.
Еще свободы ярой клики
Таила Русская земля;
Но грозенъ былъ Иванъ Великій
Среди безмолвнаго Кремля;
И Святослава мечъ кровавой
Сверкнулъ надъ буйной головой,
И избалованная славой,
Она склонилась величаво
Передъ торжественной судьбой!
Возстали царства; пламень брани
Подъ небомъ Африки угасъ.
И звучно, звучно съ плескомъ дланей
Слился Ивана шумный гласъ!...
Люблю его въ войнѣ и мирѣ,
Люблю въ обычной простотѣ,

И въ пышной пламенной порфирѣ,
Во всей волшебной красотѣ,
Когда во дни воспоминаній
Событій древнихъ и живыхъ,
Среди щитовъ, огней, блистаній
Горитъ онъ въ радугахъ цвѣтныхъ!
Томясь желаньемъ ненасытнымъ
Заняться важно суетой,
Люблю въ раздумьѣ любопытномъ
Взойти съ народною толпой
Подъ самый куполъ золотой,
И видѣть съ жалостью оттуда,
Что эта гордая Москва,
Которой добрая молва
Всегда дарила имя чуда,
Леску и камней только груда.
Безъ словъ коварныхъ и пустыхъ
Могу прибавить я, что лица,
Которыхъ болѣе другихъ
Ласкаетъ матушка-столица
Оттуда видны безъ очковъ, —
Повѣрьте мнѣ, какъ вереница
Обыкновенныхъ каплуновъ.
А сколько мыслей, замѣчаній,
Философическихъ идей,
Филантропическихъ мечтаній
И романическихъ затѣй

Всегда на счетъ другихъ людей
На умъ приходитъ въ это время!
Какое сладостное бремя
Лежитъ на сердцѣ и душѣ!...
Одинъ крестьянинъ полудикой
Недаромъ молвилъ во слезахъ:
Великъ Господь на небесахъ,
Великъ въ Москвѣ Иванъ Великій...
И такъ, хвала тебѣ, хвала,
Живи, цвѣти, Иванъ Кремлевскій,
И, утѣшая слухъ московскій,
Гуди во всѣ колокола!...

А. Пожежаевъ.

XXVII.

„ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ".

Въ кругу очертясь заповѣдно-твердынномъ,
На холмѣ великомъ, на холмѣ святомъ,
Царей православныхъ жилищѣ старинномъ,
Онъ сталъ и вознесся къ эфиру челомъ;
Въ эпоху тревогъ и печали народной,
Въ дни голода выросъ... недаромъ онъ тощъ
И вѣетъ съ чела его мглою холодной,
И въ немъ откликаются воля и мощь.

Горитъ и красуется сторожъ могучій,
Сокровище, взору, источникъ мечтамъ,
И волны молитвъ и громовыхъ созвучій
Отъ купола яркаго мчитъ къ небесамъ.
Онъ къ Богу взываетъ, какъ Вѣры посредникъ,
И смотритъ на міръ съ рубежа облаковъ,
И, дней безграничныхъ державный наслѣдникъ,
Смѣется полету голодныхъ вѣковъ.

Е. Милькѣева.

XXIII.

КОЛОКОЛЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Въ короткій, мгновенный періодъ свиданья
Съ Москвой бѣлокаменной, духъ веселя,
Блуждалъ я и видѣлъ громадныя зданья,
Всю прелесть и древнюю пышность Кремля:
И поясъ могучихъ твердынь величавый,
И рядъ сокрушительныхъ, мѣткихъ бойницъ,
И храмовъ сіяющихъ жаркія главы,
И святость обильныхъ мощами гробницъ.

Плѣнительно сердцу, свѣжо и прекрасно,
При взглядѣ на эти знамена вѣковъ!
О, какъ повѣствуютъ они громогласно
Про славу и доблести пылкихъ отцовъ!
Какъ эти кресты своей жаркой игрою
Великихъ событій являютъ символъ!
И какъ отъ нихъ дышетъ святой стариною,
И сыплется рѣзко о прошломъ глаголъ,

Но чаще всего я съ туманною думой,
Съ безвѣстною грустью невольно смотрѣлъ
На образъ возвышенный доли угрюмой,
Столь часто достоинству данной въ удѣлъ.
Тамъ видѣть любилъ я, дивясь, великана,
Который безмолвно, во снѣ вѣковомъ,
Простертъ у священной подошвы Ивана,
На ложѣ гранитномъ, съ суровымъ челомъ.

Онъ нѣкогда въ тяжкомъ паденіи раненъ,
Въ темницѣ сырой погружался сто лѣтъ,
И, царственной массою чуденъ и страненъ,
Былъ вызванъ изъ мрака дивить бѣлый свѣтъ...
Съ глубокимъ клеймомъ роковаго паденья,
Въ позорище міру слѣпому открытъ,
Увѣнчанъ блестящимъ символомъ спасенья,
Крестомъ лучезарнымъ, онъ гордо стоитъ.

И люди приходятъ толпой къ великану,
Посудятъ про тяжесть и лѣта его,
Посмотрятъ на дивную, тяжкую рану,—
И въ сторону съ шумомъ идутъ отъ него.
Ихъ взоры, желанья, мечты—близоруки,
Одно любопытство къ нему ихъ ведетъ,
И имъ непонятны глубокіе звуки,
Которыхъ волну онъ таинственно льетъ....

К. Мильтевъ.

XXIX.

ПОСѢЩАЯ МОСКОВСКУЮ ОРУЖЕЙНУЮ ПАЛАТУ.

„Да нынѣ имемся во едино сердце, и соблюдемъ Русскую землю". Несторъ. лѣт. 1031

Здѣсь много видимъ мы и рѣдкостей и славы,
Доспѣховъ и державъ, престоловъ и вѣнцовъ;
Здѣсь Русская земля скрижалью величавой
Почтила подвиги исчезнувшихъ вѣковъ,
И доблесть воиновъ, и мудрость государей,
И преданность гражданъ, и пастырей мольбу;
Здѣсь могутъ вопрошать преданья и судьбу
Историкъ мыслящій и страстный антикварій.
Владиміръ и Борисъ, Татары и Мстиславъ,—
Всѣ слѣдъ оставили въ таинственной палатѣ

Но больше всѣхъ вѣнцовъ, престоловъ золотыхъ,
Но больше всѣхъ кольчугъ, доспѣховъ позлащенныхъ,

И кубковъ дѣдовскихъ. и чароκъ вѣковыхъ
И всѣхъ сокровищъ. тутъ вѣками взгромождённыхъ,—
Мнѣ любъ здѣсь мечъ одинъ.— мечъ бѣдный и простой,
Безъ пышнаго герба, мечъ ратника стальной...
Но онъ одинъ рѣшилъ событья мировыя;
Но въ битву сотни онъ водилъ другихъ мечей.
Побѣдой искупилъ честь родины своей:
То мечъ Пожарскаго. спасителя Россіи!!!

Смотри же на него, боярей русскихъ сынъ.
Смотри, отечества слуга и гражданинъ!
Благоговѣй предъ нимъ и помни: чистой славы
И доблести прямой свидѣтель величавый,
Сей мечъ намъ къ родинѣ велитъ питать любовь,
Служить и дѣломъ ей. и словомъ, и совѣтомъ!
Склони главу предъ нимъ, — и удались, съ обѣтомъ
За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!

1840 *Графиня Е. Растопчина.*

XXX.

ПЛОЩАДЬ У НИКОЛЬСКИХЪ ВОРОТЪ.

Есть у Кремлевскихъ Никольскихъ воротъ
трехсторонняя площадь:
Зданье сената съ одной стороны, а съ другой арсенала;
Съ третьей же—древнихъ сокровищъ и утварей царскихъ палата.
Вотъ, иноземецъ, смотри и скажи, что у насъ нераздѣльны
Ратный снарядъ, храмъ суда и величіе царской короны.

А глядите, какъ эти орлы, полетѣвши рядами,
Мѣдно-когтистыми лапами въ ржавыя пушки впились!
Чьи же всѣ были онѣ? — И не вспомнишь!.. двадцать народовъ

Шли на Москву и на Русь: то все ихъ онѣмѣвшіе громы!
Русь незлопамятна: пушки взяла, имена позабыла!

Вотъ и Никольская башня, гдѣ древній святителя образъ
Вдѣланъ въ стѣнѣ, и горитъ день и ночь передъ ликомъ лампада.
Треснула въ взрывѣ Кремля и она въ двѣнадцатомъ годѣ;
Но святыня цѣла, уцѣлѣло стекло на кіотѣ,
Та же лампада на слабой цѣпи виситъ и донынѣ!..

М. Дмитріевъ.

XXXI.

КРЕМЛЕВСКІЙ САДЪ.

Люблю я позднею порой,
Когда умолкнетъ гулъ раскатный
И шумъ докучный городской.
Досугъ невинный и пріятный
Подъ сводомъ неба провождать;
Люблю задумчиво питать
Мои безпечныя мечтанья
Вкругъ стѣнъ кремлевскихъ вѣковыхъ.
Подъ тѣнью липокъ молодыхъ,
И пить весны очарованье
Въ ароматическихъ цвѣтахъ.
Въ красѣ аллей разнообразныхъ.
Въ блестящихъ зеленью кустахъ.
Тогда, краса лѣнивцевъ праздныхъ,
Одинъ, незанятый никѣмъ,
Смотря и ничего не видя
И какъ сучганъ на лавкѣ сидя,
Я созидаю свой эдемъ

Въ смѣшныхъ и странныхъ помышленьяхъ.
Мечтаю, грежу какъ во снѣ.
Гуляю въ выспреннихъ селеньяхъ,
На солнцѣ, небѣ и лунѣ;
Преображаюсь въ полубога,
Сужу рѣшительно и строго
Мірскія бредни, цѣлый міръ;
Дарую счастье милліонамъ...

. . . . . .

И между тѣмъ, пока мой пиръ
Воздушный, легкій и духовный
Пріемлетъ всю свою красу,
И я себя перенесу
Гораздо дальше Подмосковной,
Плывя, какъ лебедь, въ небесахъ.
Луна сребритъ сѣдыя тучи;
Полночный вѣтеръ на кустахъ
Едва колышетъ листъ зыбучій;
И въ тишинѣ вокругъ меня
Мелькаютъ тѣни проходящихъ,
Какъ тѣни пасмурнаго дня.
Какъ проблески огней блудящихъ.

А. Полежаевъ.

XXXII.

СУХАРЕВА БАШНЯ.

Была же смутная пора.
Какъ подъ ступенями престола
Противъ державнаго Петра
Шипѣли зависть и крамола;
Какъ, обольщенные сестрой
Царя, стрѣльцы ярились шумно.
Орудье гордости слѣпой,
Любоначальности безумной.
Но между ними полкъ одинъ.—
Хвала и честь—остался вѣренъ,
Какъ предъ отцомъ послушный сынъ.
Душой въ правахъ его увѣренъ.
Полковникъ Сухаревъ свой долгъ
Неколебимо и свободно
Хранилъ. Его былъ этотъ полкъ.
Презрѣвшій бунтомъ благородно.

И Петръ полковника любилъ,
Его заслуги награждая;
Когда же—ядъ роднаго края—
Тотъ страшный бунтъ угомонилъ.
Призвалъ Великій воеводу
И молвилъ въ благости своей:
„Хочу оставить я народу
Знакъ неподкупности твоей:
Гдѣ жилъ ты съ вѣрными стрѣльцами,
Построй тамъ башню, да про васъ
Она являетъ предъ вѣками
Живописующій разсказъ!“
Сказалъ,—и мощное желанье
Ретивый мужъ осуществилъ
И достопамятное зданье
Среди Москвы соорудилъ.
Колоссомъ крѣпости и славы
Воздвиглась башня передъ ней.
Какъ отголосокъ величавый
Заслугъ и мужества тѣхъ дней.

И эту башню—великану
Столицы—древнему Ивану
Молва невѣстой нарекла...
Да вмѣстѣ славою блистаютъ
И племенамъ они вѣщаютъ
Про незабвенныя дѣла.

Тѣхъ дней борьба, тѣхъ дней тревога
Давно ужъ спятъ на лонѣ Бога;
Но живъ Иванъ нашъ золотой
Съ своей невѣстой вѣковой!
Она таинственно и строго
На міръ глядитъ. Когда-то въ ней
Жилъ тотъ могучій чародѣй,
Который, по наукѣ странной,
Зналъ наизусть судьбу людей;
Читалъ онъ въ книгѣ звѣздъ туманной
И часто, въ полночи глухой,
Сидѣлъ одинъ, какъ демонъ, точно
Съ неразрѣшимымъ сатаной
Творя бесѣду полномочно [1].

И вотъ волшебница поитъ
Москву чудесными водами,
И влагу точитъ, и слезитъ,
И бьетъ жемчужными струями...

За нашей матушкой-Москвой,
На сѣверъ, есть одна дорога,
Нерѣдко, съ чистой вѣрой въ Бога,
По той дорогѣ столбовой
На поклоненье пѣшеходцы
Къ святому Сергію спѣшатъ...

[1] Говорится о Брюсѣ.

Тамъ есть Громовые колодцы —
Изъ камня брызжутъ и кипятъ.
Ихъ прежде не было. Тотъ камень,
Покрытый мохомъ весь, лежалъ
Безплоденъ, мертвъ. Но Божій пламень
Чудесно сонъ его прервалъ.
Изъ тучи огненной скатилась
Однажды яркая стрѣла
И въ камень дремлющій вонзилась,
И въ немъ источникъ добыла:
Изъ груди раненой тутъ дивно
Струя ударила. Съ тѣхъ поръ
Токъ искрометный непрерывно
Изъ плѣна рвется на просторъ.

Оттуда башня вѣковая
Влечетъ къ себѣ избытокъ водъ
И ихъ столицѣ раздаетъ,
Въ бассейны весело вливая...
Но въ часъ вечерній на мгновенье
Утихнетъ звонкое паденье,
И воды говоръ прекратятъ,
Какъ будто отдыха хотятъ;
И на нѣмые башни своды
Повиснетъ будто тяжесть думъ...
Но мигъ прошелъ — и хлынутъ воды,
И снова грохотъ, плескъ и шумъ!...

И, диво темнаго народа,
Стоитъ незыблемо она,
Такъ неразгаданно мрачна,
И не дерзнулъ ея коснуться
Пожаръ двѣнадцатаго года!

Е. Милькѣевъ.

XXXIII.

ПРѢСНЕНСКІЕ ПРУДЫ.

Только что на мостъ взойдешь, лишь минуешь зеленыя липы,
Справа и слѣва пруды какъ волшебствомъ откроются взору.
Ужъ не это ли сказочный міръ, гдѣ махни лишь ширинкой,—
И разстелются вдругъ голубыя широкія воды,
А вдругорядь махнулъ,—перекинется мостъ небывалый!

Кто развернулъ, разостлалъ ихъ широкую водную скатерть?
Кѣмъ два огромныя зеркала чистой воды въ золотыя
Вставлены рамы прибрежныхъ песковъ, чтобъ въ стекло любовались
Скромная дѣва, младая луна и веселое солнце,
И задумалась, кудри склонивъ, бѣлокурая ветла.

Длинныя вѣтви висятъ шелковистой густой бахромою;
Тѣнь, тишина, и прохлада воды, и прекрасные виды;
Рѣдко кто мимо пройдетъ; размышленью просторъ и свобода:
Зелень, лазурь, серебро, а вдали золотятся на солнцѣ
Церкви, дома, колокольни, сады, сокращенные далью.

Въ день лишь гулянья сюда многолюдный сбирается городъ:
Шляпки всѣхъ модъ и цвѣтовъ по прибрежнымъ тѣснятся дорожкамъ;
Хоръ музыкантовъ гремитъ, и лодка плыветъ расписная,
Вѣтеръ вздуваетъ наметъ и полощетъ пестрѣющій флюгеръ,
И согласныя пѣсни гребцовъ по водѣ раздаются...

М. Дмитріевъ.

XXXIV.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

Обитель древняя, убѣжище святыни,
Какъ стало мнѣ легко въ стѣнахъ твоихъ!
Какъ живо чувствую я нынѣ
Всю суетность надеждъ и радостей земныхъ!
Съ разбитымъ сердцемъ я, съ взволнованной душою,
Вступила въ сѣнь твою, мятежныхъ думъ полна;
За грань житейскую, сюда я за собою
Оковы бренности и грудь тоски несла...
Но здѣсь меня отрада ожидала,
Здѣсь утѣшеніе спустилось свыше мнѣ,
Моленье теплое на время оторвало
Печаль, таимую въ сердечной глубинѣ.

На ликъ святой небесной Дѣвы
Я въ умиленіи гляжу,
И съ чистой вѣрою твержу
Ей приносимые напѣвы.

Ея глубоко ясный взоръ
Мнѣ льетъ кручины злой забвенье;
Покой чела Ея—укоръ
Мнѣ за безумное волненье.

Свѣча горитъ передъ Святой,
И свѣтъ не яркій проливаетъ;
Но свѣтъ сей сердце озаряетъ,
И тушитъ въ немъ огонь земной.

Съ очей упалъ покровъ: таинственная вѣчность
Явилась предо мной, разительно страшна!
Житейской бури я постигла скоротечность,
Отъ ложныхъ призраковъ душа отвращена.

Обширнѣе, полнѣе мысли стали;
Все безконечное объемлю ими я;
Мечты мои горе полетъ пріяли,
Презрѣвъ ничтожность бытія!
Я чувствую покорное смиренье;
Я вѣрую, что благо Провидѣнье,
И нахожу въ обители святой
Давно желаемый покой!

Когда въ мірскомъ быту свой подвигъ испытаній
Вполнѣ я совершу, когда испью до дна

Я чашу скорби и страданій,
Когда ужъ никому не буду я нужна:
Тогда—приду сюда окончить вѣкъ унылый,
Тогда приду сюда былое забывать...
Но чаще, можетъ быть, въ келейной мглѣ
мечтать
О томъ, что̀ мучило, о томъ, что̀ было мило!..

1832 *Граф. Евд. Растопчина.*

XXXV.

МОСКВА СЪ ВОРОБЬЕВЫХЪ ГОРЪ.

Какъ ты, мой другъ, я не скитался
Въ чужихъ далекихъ сторонахъ:
Все родина въ моихъ мечтахъ.
Однажды какъ-то я забылся
Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
И вдругъ далеко очутился
Одинъ на берегу крутомъ—
Тамъ, у родной Москвы [1]). День знойный
Мнѣ снилось, ярко догоралъ,
И вечеръ пламенно-спокойный
Во всей красѣ своей блисталъ;
Внизу Москва-рѣка сверкала,
Игриво рощу обтекала;
Въ дали гористой подъ селомъ
Былъ видѣнъ лѣсъ, желтѣли нивы,

---

[1]) Здѣсь описывается Васильевское, загородный домъ князя Юсупова, близъ Воробьевыхъ горъ.

А близъ Дербента [1]) надъ прудомъ
Тѣнистыя дремали ивы,
И зеленѣло за рѣкой
Дѣвичье поле предъ глазами.
И монастырь бѣлѣлъ святой
Съ горящими, какъ жаръ, крестами;
Отъ стѣнъ къ приманчивымъ струямъ
Долинка ясная пестрѣла;
Тутъ домикъ сельскій: въ липахъ тамъ
Часовня спрятаться хотѣла;
На всѣхъ сосѣдственныхъ холмахъ
Сады и дачи красовались
И въ яркихъ вечера огняхъ
Струей багряной освѣщались,
И зелень рощей и полянъ
Сливалась съ твердью голубою;
И стлался золотой туманъ
Надъ бѣлокаменной Москвою.
Не знаю, другъ, но врядъ ли гдѣ
Подобный видъ тебѣ являлся...,

Ив. Козловъ.

---

[1]) Садъ графини Лушкиной.

XXXVI.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы,
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня;
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я, въ полдень жаркій,
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,

И блисталъ, какъ бы съ престола
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой, перводержавной,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.

Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
„Вотъ, онъ мнилъ: вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,

И до-полюсныя воды
У моихъ воспѣнцутъ пять!
Мнѣ-ль ты царство устроила
Вѣнценосная Жена?
Для меня-ль ты насиждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство Руссовъ—мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадемѣ
Какъ азійское зерно".

Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный.
Зрѣлъ надъ гордой головой.
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля.
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

Ап. Майковъ.

XXXVII.

ОКРЕСТНОСТИ МОСКВЫ.

Москва, Москва, гдѣ радости и горе
Мой юный духъ, пылая, обнималъ,
Гдѣ жизнь мою, какъ въ непогоду море,
Мятежъ страстей такъ часто волновалъ!
Ты—колыбель моихъ воспоминаній,
Сердечныхъ думъ и дерзкихъ упованій!...

Бывало, я въ лѣсу уединенномъ,
Гдѣ Кунцово на холмѣ возвышенномъ
Задумчивой плѣняетъ красотой,
Брожу одинъ вечернею зарей;
Москва-рѣка тамъ съ синими волнами,
Въ тѣни березъ, межъ дикими кустами,
Шумя блеститъ и, прихотей полна,
То скрылась вдругъ, то вдругъ опять видна;
Зеленый лугъ и роща за рѣкою;
Вдали видъ селъ, полуодѣтыхъ тьмою...
Иду—ко мнѣ изъ селъ летитъ порой

То звукъ рожка, то пѣсни плясовой:
Я увлеченъ веселыми мечтами!
Но, проходя кладбище подъ филями,
Случалось мнѣ—внезапно я смущенъ,
Надъ свѣжею могилой слышу стонъ.—
И я, крестясь, задумаюсь уныло...
И пламеннѣй люблю, что̀ сердцу мило...

Ив. Козловъ.

XXXVIII.

НОВИНСКОЕ.

Тутъ нашей повѣсти начало.
Недѣля Свѣтлая была
И подъ Новинское звала
Гражданъ московскихъ. Все бѣжало,
Все торопилось: старъ и младъ,
Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
Живою, смѣшанной толпою,
Туда, гдѣ, словно самъ собою,
На краткій срокъ, въ единый мигъ,
Блистая пестрыми дворцами,
Шумя цвѣтными флюгерами,
Средь града новый градъ возникъ:
Столица легкая бездѣлья
И безчиновнаго веселья,
Досуга русскаго кумиръ!
Тамъ цѣлый день разгульный пиръ!
Тамъ раздаются звуки трубны,
Звенятъ, гремятъ литавры, бубны;

Паяцы съ зыбкихъ галлерей
Зовутъ, манятъ къ себѣ гостей.
Тамъ клеперъ знаетъ четъ и нечетъ;
Ножи проворные вѣнцомъ
Кругомъ себя индѣецъ мечетъ
И бисеръ нижетъ языкомъ.
Гордясь лихими сѣдоками,
Тамъ одноколки, застучавъ,
Съ потѣшныхъ горъ летятъ стремглавъ.
Своими длинными шестами
Качели крашенныя тамъ
Людей уносятъ къ небесамъ.
Волшебный праздникъ довершая,
Межъ тѣмъ, съ веселымъ торжествомъ,
Каретъ блестящихъ цѣпь тройная
Катится медленно кругомъ.

Е. Баратынскій.

XXXIX.

НОВИНСКОЕ.

Праздникъ идетъ чередомъ. Лодъ Новинскимъ кипитъ ужъ гулянье!
Новый возникъ городокъ — азіатскій, красивый, цвѣтистый!
Музыка, скачка, паяцы, качели; все весело, шумно,
Живо, нарядно, пестро; вереница людей; между ними
Молча купцы и купчихи тянутся мимо, какъ тѣни.

Ну, а что же народъ, который назвалъ нашъ Державинъ
Бодрственнымъ росскимъ народомъ, хранящимъ отечески нравы?
Тоже, что былъ и при Несторѣ? — „Руси веселіе пити!“

Правъ нашъ великій поэтъ; но нелживъ же
и инокъ правдивый:
Въ праздникъ нашъ бодрственный росскій
народъ—и лыка не вяжетъ!

М. Дмитріевъ.

XL.

ПРОГУЛКА ВЪ КУСКОВѢ.

Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни день бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной!
Тебѣ ли знать удѣлъ несчастной?

Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего [1]).

Земли лоскутикъ драгоцѣнный—
Кусково! милый уголокъ,
Эдема сколокъ сокращенный,
Въ которомъ самый тяжкій рокъ
Въ воскресный день позабывался,
И всякій чѣмъ нибудь плѣнялся!

Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ какъ облака;

[1]) Эти два стиха повторяются послѣ каждой строфы.

Кусково было всѣмъ запасно, —
Проси хоть птичья молока:
Куда пять пальцевъ ни протянешь
Вездѣ пріятности достанешь.

Свобода, мать увеселенья,
И роскошь съ нею за-одно
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать сребро и злато кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.

Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ,
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорятъ,
Валятся стѣны залъ огромныхъ
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ.

Театръ волшебный подломился,
Хохлы въ немъ оперъ не даютъ,
Парашинъ голосъ прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ, —
Умолкли нѣжной груди звуки,
И Крезъ меньшой скончался въ скукѣ [1]).

[1]) Графъ Никол. Петров. Шереметевъ † 1809; отецъ его графъ Петръ Борисовичъ умеръ 1788.

Пустыни нѣтъ ужъ для капризу,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли наверхъ подняться снизу,
Безъ лѣстницъ, гость и господинъ,
И молча требовать оттуда
Въ звонокъ на столъ различны блюда.

Изсякли мраморны фонтаны,
Нептуновъ сухъ водопроводъ,
И брызговъ челюсти мѣдяны
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ;
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ,
И зной полдня варитъ все варомъ.

Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола
Сзывалъ на край пруда матерый;
Волна ихъ сизая несла;
Нырнутъ на пристань—усъ разложутъ,
И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложутъ.

Цари, царицы, посѣщая
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самомъ нѣдрѣ рая,
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По рощамъ разносили эхи.

Куда владыка твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей;
Его печали не касались
И всѣ затѣи удавались.

И ты, сей точки обладатель,
Великолѣпнѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращая плачъ—
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!

Отъ всхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Послѣдній вздохъ пустилъ на злато:
Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!
Москва вотще твой прахъ блажила.
Лобзала, пѣла и кадила.

Ни ленты разнаго покрою,
Алмазны звѣзды съ жемчугомъ,
Ни груды денегъ за тобою
Не шли во слѣдъ въ твой новый домъ.
Урокъ данъ сильный небесами,
Чтобъ не плѣняться суетами,

Что время, лютый врагъ всего,
Простить не можетъ ничего.

Такъ въ свѣтѣ слава, честь, порода—
Все гибнетъ волею Творца!
Ветха становится природа,—
Мгновенье общаго конца
Во всеобъемлющемъ пожарѣ
Постигнетъ вещи всѣ и твари,

И само время, врагъ всего,
Съ руля свернется своего!

Кн. И. Долгорукой.

XLI.

ПОКЛОННАЯ ГОРА.

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три дуба.
Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужъ когти.
Былъ-бы пиръ; да спалило грозою могучія крылья,
Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ ихъ снѣгомъ.

Тамъ, за Москвой, на Поклонной горѣ, зеленѣли тѣ дубы.
Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю легіоновъ,
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;

И, простершись во всю широту, ожидала безмолвно
Жертва смиренная, жертва святая,—да судъ совершится.

А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;
Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все, и неслось, и жадно вторгалось; но страшно
Было идти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ и слушать
Въ той тишинѣ только топотъ копытъ безподковныхъ ихъ коней.

Здѣсь, изъ-подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая посольства,
Нашихъ сенаторовъ ждалъ и бояръ,—и сердился, и кликалъ;
Только они не пришли и торжественной не было встрѣчи!
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и мы—да пожаромъ.
Сильный съ тѣхъ поръ подъ землей; а природа все вновь зеленѣетъ.

О, какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на
эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньѣ они такъ мирно
стояли.
Онъ же, подъ тѣнію ихъ, озиравшій, какъ
демонъ, святыню,
Не видалъ надъ своей головой, что звѣзда
его гаснетъ.
Мрачно сошелъ онъ съ горы,—не сошелъ онъ
съ утеса Елены!

М. Дмитріевъ.

XLII.

ВАГАНЬКОВО КЛАДБИЩЕ.

Есть близъ заставы кладбище; его — всѣмъ
знакомое имя.
Божія нива засѣяна вся; тутъ безвѣстные люди,
Добрые люди сошлись въ ожиданьи весны
воскресенья.
Вѣтви густыя деревъ осѣняютъ простыя могилы,
И свѣжа мурава, и спокойно, и тихо, какъ
вѣчность.

Тутъ на воскресные дни православный на-
родъ нашъ московскій
Любитъ къ усопшимъ роднымъ, какъ къ жи-
вымъ, приходить на свиданье.
Семьи нарядныхъ гостей сидятъ вкругъ каж-
дой могилы,
Ходятъ межъ камней простыхъ и, прочтя
знакомое имя,
Вспомнятъ, вздохнутъ, поклонясь, и промол-
вятъ: „вѣчная память!“

Тутъ на могилахъ пьютъ чай (вѣдь у русскихъ безъ чая
Нѣтъ и гулянья); развяжутъ салфетки, платки съ пирогами,
Пищей себя подкрѣпятъ, помянувши родителей прежде;
Вечеромъ идутъ въ Москву, нагулявшись и свидѣвшись мирно
Съ тѣми, которымъ къ нимъ путь затворенъ и придти ужъ не могутъ!

Добрый обычай! свиданье друзей и живыхъ и усопшихъ!
Сладкія чувства любви, съединяющей даже за гробомъ!
Мертвыя кости и прахъ, а надъ ними живая природа,
И людей голоса, и живыя гуляющихъ лица!
Есть тутъ и камни богатыхъ, но что-то вокругъ ихъ не людно!

Какъ хорошо тутъ лежать! — И свѣжо, и покойно, и тихо,
И безпрестанно идутъ и живые, и мертвые гости!
Душно въ стѣнахъ монастырскихъ, и мрачно, и тѣсно!

Тутъ я хотѣлъ бы лежать, гдѣ простые и добрые люди.—
Тутъ я хотѣлъ бы лежать, подъ зеленой травой и подъ тѣнью!

Мимо его я всегда проѣзжалъ, какъ съ дѣтьми и съ женою
Въ Зыковѣ жилъ по лѣтамъ, гдѣ мнѣ было спокойно и вольно,
Гдѣ посѣщали друзья насъ въ бѣдномъ сельскомъ пріютѣ.
Выростутъ дѣти, поѣдутъ по этой дорогѣ,— и вспомнятъ...
Здѣсь я хотѣлъ бы лежать, и чтобъ здѣсь вы меня посѣтили...

1845 *М. Дмитріевъ.*

XLIII.

ЭКСПРОМТЪ.

(Мытищи).

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва, водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ;
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ—и ключъ кипучій
Покатился... Лей, Москва!

1830 *Н. Языковъ.*

II

1812 ГОДЪ

И ДРУГІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ЭПОХИ.

Пылай, великая Москва!..
Благослови Москву, Россія!

Пушкинъ.

И угнетенныхъ царствъ свободу
Пожаръ московскій озарилъ.

Козловъ.

И за развалины Кремля
Парижу мзда—спасенье!..

Жуковскій.

Улицы узки у насъ: широка у насъ лѣтопись улицъ;
Кривы онѣ а да и Москва и на этихъ Руси прямила.

М. Дмитріевъ.

XLIV.

ОТРЫВОКЪ.

Повсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой;
Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огнь, сквозь дымъ и мракъ ночной
Столпомъ огромнымъ прорѣзался,
И въ небесахъ, блестя челомъ,
Во всемъ величіи своемъ,
Великой жертвой любовался.

К. Рылѣевъ.

XLV.

РУССКІЙ СРЕДИ ПЫЛАЮЩЕЙ МОСКВЫ.

Гори, родная!—Богъ съ тобою.
Я самъ, перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ. Гори со мною!
Пусть я избитый, изожженный,
Весь въ ранахъ, въ струпьяхъ, изможденный,
Умру въ огнѣ, въ тоскѣ, въ страданьи:
Тебя не дамъ на поруганье!

О, Кремль святой, святые храмы,
Свидѣтели побѣдъ и славы!
Разсыптесь надъ Москвой горою,
Родную скройте подъ собою!
Въ слезахъ, съ померкшими очами,
Стою съ молитвой я предъ вами:
Разсыптесь надъ Москвой-горою!
Пылай, родная!—Богъ съ тобою.

Враги въ Москвѣ; Москва въ неволѣ;
Прощай, мой домъ, родное поле...
Свирѣпствуй ангелъ разрушенья!
Россія гибнетъ; нѣтъ спасенья,
Пусть гибнетъ все! Своей рукою
Свой домъ зажегъ.... Гори со мною!
Москва пылаетъ за отчизну;
Кровавую готовьте тризну!

Тимофѣевъ.

XLVI.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

И такъ, мой другъ, увидимся мы вновь
Въ Москвѣ, всегда священной намъ и милой!
Въ ней знали мы и дружбу, и любовь,
И счастье въ ней дни наши золотило.
Изъ дѣтства, другъ, для насъ была она
Святилищемъ драгихъ воспоминаній,
Протекшихъ бѣдъ, веселій, слезъ, желаній;
Здѣсь повѣсть намъ вездѣ оживлена...
Но что теперь твой встрѣтитъ мрачный взглядъ
Въ столицѣ сей и мира, и отрадъ?
Ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ
И цѣпь полей пустыхъ, осиротѣлыхъ,—
Слѣды враговъ, злодѣйства гнусныхъ чадъ.
Наукъ, забавъ и роскоши столица—
Издревле край любви и красоты—
Есть нынѣ край страданій, нищеты.
Здѣсь бѣдная скитается вдовица,
Тамъ слышенъ вопль младенца-сироты;
Ихъ зритъ въ слезахъ румяная денница,

И ночи мракъ ихъ застаетъ въ слезахъ.
А тамъ старикъ, прибредшій на клюкахъ
На хладный пепелъ роднаго пепелища,
Не узнаетъ знакомаго жилища.
Гдѣ онъ мечталъ сномъ вѣчности заснуть,
Склонивъ главу на милой дщери грудь;
Теперь одинъ, онъ молитъ дланью нищей
Послѣдняго пріюта на кладбищѣ...
Счастливъ, мой другъ, кто мрачныхъ сихъ
картинъ,
Сихъ ужасовъ и бѣдствій удаленный
И строгихъ узъ семейныхъ отчужденный,
Своей судьбы единый властелинъ,—
Летитъ теперь, отмщеньемъ вдохновенный,
Подъ знамена карающихъ дружинъ!
Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ царей,
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей,
И—роковымъ постигнутый ударомъ—
Онъ скажетъ, свой смыкая мутный взоръ:
„Москва! я твой питомецъ съ юныхъ поръ,—
„И смерть моя—тебѣ послѣднимъ даромъ!“
Я жду тебя, товарищъ милый мой,
И по мѣстамъ, унынью посвященнымъ,
Мы медленно пойдемъ рука съ рукой
Бродить, мечтамъ предавшись потаеннымъ...

1812 *Кн. Вяземскій.*

XLVII.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары.
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары:
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ,
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.

И тамъ — гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ — гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ — гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой,
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать постушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей —
Среди могилъ моихъ друзей,

Утраченныхъ на полѣ славы!...
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на поле чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я, въ жертву мести,
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь [1]),
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

1812 *К. Батюшковъ.*

---

[1]) Генералъ А. Н. Бахметевъ, при которомъ Батюшковъ служилъ адъютантомъ.

XLVIII.

ПѢСНЬ НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА.

(Отрывки).

Мы празднуемъ твою днесь месть!
Москва! хвала тебѣ и честь!
Твои развалины священны,—
Онѣ гробницей бѣдъ вселенны.

Небесъ къ намъ грозныхъ приговоръ
Просилъ отъ свѣта жертвы славной;
Безъ ропота и безъ укоръ
Склонилась ты славой державной.
Три дня объятая огнемъ,
Ты гнѣвъ ихъ ярый утолила;
Разящій отвратила громъ
И небо съ нами примирила.
Москва! твоихъ развалинъ видъ
Краснорѣчивѣй пирамидъ!
Онѣ и отдаленныхъ внучатъ
Геройскимъ подвигамъ научатъ...

Красуйся славою въ вѣкахъ,
Москва! спасительница міра!
Да будетъ въ вѣкъ въ твоихъ стѣнахъ
Обитель счастія и мира!
Да процвѣтутъ твои сыны
И дѣвы, прелестьми вѣнчанны;
Да придетъ съ ужасовъ войны
Къ тебѣ скорѣй твой царь желанный!

Кн. Вяземскій.

XLIX.

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Бѣгите въ Кремль! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды.
Зоветъ Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы;
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый;
Бѣгите въ Кремль, и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья...

О, Кремль отеческій, твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой.

Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй...
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ царей,
Убійцей осквернённый.

Но ты, царя вѣнчавшій храмъ,
Рукой небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый!
И ты, царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей...
О, нашъ Сіонъ священный,
О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

Съ хвалою первой къ Богу силъ
Друзья, подымемъ длани;
Онъ здѣсь въ Кремлѣ себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани;
Онъ, въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою

Промчавшись, сталъ въ лицо врагамъ
Карающей бѣдою;
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести.

И славою ему во слѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный божій бой
И гимнъ его свободы...
Греми-жъ торжественно въ Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!

1814 *Жуковскій.*

L.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь, и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Теперь развалины одни.
Москва! Сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей,

Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,—
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи—
Все мертво, все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи!
Воззри на гибель пришлеца:
Отяготѣла днесь на ихъ надменной выѣ
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ...

1815 *А. Пушкинъ.*

LI.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ.

1812 г.

Чу! труба продребезжала...
Русь! тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей!

Пламень, въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ:
Златоглавая, святая,
Ты-ли гибнешь?.. Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,

Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости,—
Вамъ почетный былъ пріемъ.
Упились—еле живы—
Вы въ московскихъ теремахъ:
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?!..

1835 *Н. Языковъ.*

LII.

КУПЛЕТЫ.

И для васъ, и для меня
Дорога Москва моя.
Въ ней душа страны родной,
Сердце всей Руси святой.
Изъ нея и духъ, и кровь,
Вѣра, вѣрность и любовь
Бьютъ ключемъ, огнемъ текутъ
Всюду жизнь и мысль несутъ...
Въ безпредѣльности степей,
На поверхности морей,
Русскій міръ, народъ честной—
Все живетъ родной Москвой!
Здравствуй, матушка Москва,
Бѣлокаменная!

Всѣ преданья въ ней полны
Громкой славой старины:
Кремль... Москва! Вѣдь здѣсь не разъ

Сокрушился о васъ
Тьмы и полчища враговъ;
И татаръ и поляковъ,
И другихъ, еще сильнѣй.
Тѣхъ непрошенныхъ гостей
Примешь ты,—но ужъ потомъ
Ихъ не выпустишь живьемъ!
Въ томъ свидѣтель роковой
Самъ пожаръ священный твой!
Здравствуй, матушка Москва,
Бѣлокаменная!

1856 *Графиня Е. Ростопчина.*

LIII.

УТРО ВЪ МОСКВѢ 17 АПРѢЛЯ 1818 г.

(изъ посланія къ великой княгинѣ александрѣ ѳеодоровнѣ).

Забуду-ль мигъ на вѣки незабвенный?..
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный Твой часъ,—
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ—младой зари краса.
Всходящая, какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари зажженные востокомъ.
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ

Нетронутый свидѣтель божества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной...
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ...
Намъ Промысла намѣреніе тайно—
Угадывать я мыслью не дерзалъ:
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
„Здѣсь Божій міръ: ничто здѣсь не случайно"!
И вѣрила безтрепетно душа.
Межъ тѣмъ, восходъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ:
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стоялъ...
Москва жива; въ Кремлѣ семья Царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ божій свѣтъ...
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвы сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!

1818 *Жуковскій.*

LIV.

МОСКВА ПРИ Д. В. ГОЛИЦЫНѢ, 1844 г.

(отрывокъ).

Здравствуй, градъ перводержавной!
Здравствуй, матушка-Москва,
Нашей Руси православной
Золотая голова!
Подъ тобой сходились тучи,
Смерть держала насъ въ плѣну,
Но Богъ русскій, Богъ могучій
За тебя, какъ въ старину.

На тебя то нехристь грубый,
То чума, то вдругъ французъ,
То холера скалитъ зубы:
Видно, лакомый ты кусъ!
Чтожъ, заѣли? Нѣтъ, грибъ съѣли!
И, подъ стать Еропкину,
Вновь хранителя мы зрѣли,
Какъ въ святую старину.

Помнимъ мы его породу:
Онъ старинныхъ предковъ кровь!
Въ немъ къ престолу и къ народу
Пышетъ русская любовь;
Подъ благимъ его покровомъ
Мы вкушаемъ тишину,
И Москва во блескѣ новомъ
И пышнѣй, чѣмъ въ старину.

1830 *Кн. Вяземскій.*

LV.

МОСКВА.

(28 МАРТА 1848 Г., ВЪ ДЕНЬ ЕЯ СЕМИСОТЛѢТІЯ).

Процвѣтай, царей столица,
Матерь русскихъ городовъ,
Слова русскаго царица
И уставщица умовъ!

Есть ли градъ съ тобою равный?
Есть одинъ, и старъ и сѣдъ:
То нашъ Кіевъ православный,
Гдѣ возникъ намъ вѣры свѣтъ!

Старецъ, нѣкогда могучій,
На горахъ своихъ княжилъ,
Днѣпръ ладьи его летучи
До чужихъ морей носилъ;

Но и онъ главой державной
Поклонился, уступилъ

Многохрамной, православной
Собирательницѣ силъ!

Сохранивъ одну святыню
И сложивъ вѣнецъ князей,
Онъ призналъ въ ней господыню
Надъ сѣдиною своей!

И любуется онъ славой,
Возсѣдящей на холмахъ,
Величавой, златоглавой,
Въ многихъ царственныхъ вѣнцахъ!

Тамъ, гдѣ боръ дремучій, дикій,
Пѣснь отшельника внималъ,
Бѣлокаменный, великій,
Выросъ Кремль и засіялъ!

И рядилася младая
Величавая Москва,
Стѣны, башни убирая
Дивныхъ зодчествъ въ кружева!

И стекались, рать за ратью,
Многихъ княжествъ знамена.
И своею благодатью
Осѣняла ихъ она!

Новградъ, съ золотомъ полсвѣта,
Ей принесъ свободу въ дань,
И рабыня Магомета
Пала въ ноги ей Казань!

И Уралъ ей отперъ горы,
И Сибирь — златое дно;
Русь, забывъ семейны споры,
Зажила съ ней за-одно!

Здѣсь Россія! Съ ней страдала
Въ годы тяжкіе Москва;
Съ ней она и возставала
Къ торжеству отъ торжества!

Съ ней дѣлила скорбь и горе,
И на брань звала сыновъ
Въ дни, когда народовъ море
Выступало изъ береговъ!

Съ края царства и до края
Голосъ славы и молвы:
Русь родная! Русь святая!
Краше нѣтъ твоей Москвы!

Вотъ промчались семь столѣтій
Надъ святой ея главой!

Соберитесь, Руси дѣти,
Поздороваться съ Москвой.

Многи вѣки ей державной!
Будь богата и славна!
И поклонъ ей православной:
Имянинница она!

1847 *М. Дмитріевъ.*

LVI.

МОСКВѢ.

(въ день столѣтія московскаго университета).

Давно цари Россіи новой,
Оставивъ стольный градъ Москвы,
Въ равнинахъ Ингріи суровой
Разбили лагерь у Невы;
Но духомъ ты, Москва, не пала
И, древнею блестя красой,
Ты никогда не перестала
Быть царства нашего душой.
Твой духъ въ одно его скрѣпляетъ;
Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
По цѣлой Руси изъ Кремля.
Но ту любовь, съ которой дикой
Пустыню любитъ, — ты слила
Съ огнемъ науки, и великой
О Руси мыслью облекла.
Связавъ минувшее съ грядущимъ,

Забвенье съ предковъ ты сняла,
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ
Ты мысль отечества дала.
Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы,
И больше будетъ впереди;
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ мой трудъ,
И что дѣла мои — потомки
Благословятъ иль проклянутъ...
Москва! въ слезахъ подъемлю руки
Къ тебѣ, какъ къ матери дитя,
Въ день драгоцѣнный для науки.
Въ день присно-славный для тебя!
О, пусть кричатъ трибуны злые —
Мы вѣримъ сердцу своему — .
Жива Москва — сильна Россія.
И Божій свѣтъ разсѣетъ тьму!

А. Майковъ.

LVII.

МОСКВА. АВГУСТЪ 1856 ГОДА.

Великолѣпенъ видъ ликующей Москвы:
Расправились ея морщины,
И блещутъ юностью священныя сѣдины
Семисотлѣтней головы.
Въ цвѣтахъ и подъ парчей, подъ праздничной одеждой,
Какъ русскихъ городовъ царица хороша!
И вся молитвою, любовью и надеждой
Ея проникнута душа.

Одушевленная рѣка, народа волны
Тѣснясь по улицамъ кипятъ:
Единой мыслью всѣ, единымъ чувствомъ полны,
Единымъ пламенемъ горятъ.
Москва—одна семья на радости семейной,
И вся святая Русь въ Москвѣ
Заочно празднуетъ, мечтой благоговѣйной
Въ ея великомъ торжествѣ.

Заголосилъ Иванъ Великій. — громомъ гря-
нулъ;
Въ немъ отозвался гласъ вѣковъ,
И радостно за нимъ со всѣхъ сторонъ вос-
прянулъ
Созвучный залпъ колоколовъ:
Глашатаи торжествъ народныхъ и церков-
ныхъ,
Они вѣщаютъ намъ родныя словеса;
Въ созвучіяхъ земныхъ, въ созвучіяхъ ду-
ховныхъ
Поютъ земля и небеса.

Изъ-за кремлевскихъ стѣнъ, изъ древняго
забрала,
Гладятъ богатыри-вѣка:
Ихъ славой доблестной, ихъ язвами вѣнчала
Святаго Промысла рука.
И каждый на челѣ несетъ свой знакъ особый,
И каждый въ свой урочный часъ,
Ко благу вождь, иль бичъ иноплеменной злобы
Страдалъ и бодрствовалъ за насъ...

Великолѣпенъ видъ ликующей Москвы:
И день съ небесъ сіяетъ блескомъ,
И полонъ воздухъ весь струей людской молвы,
Колоколовъ и пушекъ трескомъ.

Всѣ Гостя ждутъ. Москва несетъ заздравный
хлѣбъ,
Почетъ и радость угощенья;
Къ народу Гость грядетъ, посланникъ Про-
видѣнья,
Живой сосудъ его судебъ.

И вотъ Онъ, Гость родной, желанный, не-
наглядный!
Къ Нему всѣ очи, души всѣ!
И кротости Его привѣтъ, сердцамъ отрадный
Сіяетъ въ царственной красѣ.
И звонъ колоколовъ, звучащій звучной мѣдью,
И радостный сей кликъ, потрясшій всѣ сердца,
Все въ честь Ему, и все призывъ Ему къ
наслѣдью
Порфиры, скиптра и вѣнца.

И сѣдовласый Кремль — о, чудная картина! —
Поникнувъ предъ своимъ Царемъ,
Въ Немъ сына своего, возлюбленнаго сына,
Цѣлуетъ, радуясь о Немъ...

Кн. Вяземскій.

LVIII.

КУПЛЕТЫ.

Зовъ любви и книгъ науки
Къ намъ на радость привели,
Словно послѣ злой разлуки,
Братьевъ кровной намъ земли,
И, услышавъ наши рѣчи,
Сердцу звонкія слова,
Однородичамъ при встрѣчѣ
Поклонилася Москва.

Поклонилась и сказала:
Добрый день и въ добрый часъ!
Мы васъ ждемъ уже не мало,
Вы давно ужъ ждете насъ.
Наконецъ вы издалеча
Къ намъ пришли для торжества,
И славянское здѣсь вѣче
Нынѣ празднуетъ Москва.

Праздникъ мира, праздникъ дружбы,
Отблескъ новыхъ, лучшихъ дней!
Отчего же, почему жъ бы
Не сдружиться намъ плотнѣй,
Передавъ изъ рода въ роды
Несмолкающей молвѣ,
Какъ славянскіе народы
Вновь сроднились на Москвѣ.

Если нашего семейства
Непокорные сыны
Разжигали до злодѣйства
Пламя внутренней войны,—
Укротивши ихъ зазорность,
Кто жъ изъ насъ сказать не радъ:
Да погибнетъ непокорность,
Но да здравствуетъ нашъ братъ!

Русскимъ не страшна крамола,
Тѣ же мы, какъ были встарь,
Съ благодатнаго престола
Только слово молви, царь...
И за чувства дорогія,
За священныя права,
Встанетъ юная Россія,
Встанетъ старая Москва.

Но не боемъ и не кровью
Намъ единство суждено,
А всесильною любовью,
А стояньемъ за-одно,
Пусть же то поймётъ отнынѣ
Вся славянская земля,
Въ бѣлокаменной святынѣ,
У Московскаго Кремля.

Тр. Сологубъ.

III

МОСКОВСКІЙ БЫТЪ

Какъ у насъ было на святой Руси!
Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ!

Народная пѣсня.

Хлѣба-соли покушать,
Краснаго звону послушать.

Народная пословица.

LIX.

КЪ ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя Свободы.
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды,
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ на-яву,
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ—жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, въ шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,

И даже прозой и стихами.
Ты тамъ—на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное Бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
И Глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной Знатности похмѣлье,
И Скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой,
Но вскорѣ—вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни дорогой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большого свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя.
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
А и холодная струя,
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ
Въ халатахъ новые друзья
Шумятъ и пьютъ!—Задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится радостный Досугъ.
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой.

Я слышу звонкіе напѣвы.
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой;
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей. —
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепетъ упоенья...
Но вспомни, милый! здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая,
Весь день уныла и томна;
Въ своей задумчивости сладкой
Томится, плачетъ подъ окномъ
Отъ грубыхъ Аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро-ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро-ль оживится?—
Когда прискачешь, милый другъ,
Душа во слѣдъ тебѣ стремится!

Гдѣ-бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младого сладострастья
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

1819 *А. Пушкинъ.*

Напомнимъ при этомъ четверостишіе, прочтенное г. Анненковымъ въ черновой рукописи Пушкина:

„Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей всечасной суетой,
Старинной кухней угощаетъ,
Стерляжьей потчуетъ ухой!“ —

LX.

МОСКОВСКІЕ ОБѢДЫ.

Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольный,
Не золоченыя главы,
Не гулъ потѣхи колокольной,
Не сплетни вѣстницы-молвы
Мой умъ плѣнили своевольной
Я въ ней люблю весельчаковъ.
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосольство
И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды;
Вполнѣ уваженъ хлѣбосолъ;
Вполнѣ торжественны обѣды;
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.
Ужъ онъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ
И беззаботными гостями

Съ благоговѣньемъ окруженъ.
Еще не сѣли; все въ молчаньи:
И каждый гость вблизи стола
Съ веселой ясностью чела
Стоитъ въ роскошномъ ожиданьи,
И сквозь прозрачный, легкій паръ
Сіяютъ лакомыя блюды,
Златыхъ плодовъ, дессерта груды...
Зачѣмъ удѣлъ мой слабый даръ!
Но такъ весной ряды кургановъ
При пробужденныхъ небесахъ
Сіяютъ въ пурпурныхъ лучахъ
Подъ дымомъ утреннихъ тумановъ.
Садятся гости. Графъ и князь,
Въ застольномъ дѣлѣ всѣ удалы
И осушаютъ не лѣнясь
Свои широкіе бокалы:
Они веселье въ сердце льютъ,
Они смягчаютъ злые толки;
Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
Тамъ рѣчи вздорны, но не колки.
И начался чудеса:
Смѣшались быстро голоса;
Собранье глухо зашумѣло;
Своихъ собакъ, своихъ друзей,
Пѣвцовъ, героевъ хвалятъ смѣло.
Вино разнѣжило гостей

И даже умъ ихъ разогрѣло.
Тутъ все торжественно встаетъ,
И каждый гость, какъ мужъ толковой,
Узнать въ гостиную идетъ,
Чему смѣялся онъ въ столовой.

1821 *Е. Баратынскій.*

LXI.

МОСКВА.

Москва! Москва! Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда-же изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древ-

ней столицы гремѣла музыка, и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою: улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ [1]), вошли въ пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніяхъ ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину рощу въ каретѣ изъ кованнаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ—и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на нарядъ неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался

[1]) Авторъ, конечно, разумѣетъ стихотвореніе кн. Долгорукаго „Лиръ“, см. Сочиненія кн. И. М. Долгорукаго. Спб. 1879, т. II, стр. 382—391.

въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники?—Все исчезло. Остались одни невѣсты, къ которымъ нельзя по крайней мѣрѣ примѣнить грубую пословицу: VIEILLES COMME LES RUES. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально, между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою—и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портного, который платитъ хозяину 30 рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона—и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полиціймейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ

дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя, въ день хозяйскихъ имянинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможѣ, удалившагося отъ двора,—но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы!... Увы, посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ— и что̀ за кавалеры! Горе отъ ума есть уже картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, кото̀рый „всякому, ты знаешь, радъ“: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому;— ни Татьяны Юрьевны, которая балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники

на дачѣ". Хлыстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предрасудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно,—и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей могучей и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда аристократія возъимѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодаго Петра II снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое — обѣднѣніе русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенною силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ, по предначертанію Ломоносова.

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе, по большей части, не литераторы, но предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты неоспоримо на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews. Между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ—какъ о музыкѣ, о музыкѣ—какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ нибудь, иногда впопадъ и

остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

1833 *Пушкинъ.*

LXII.

ТОСТЪ ЗА МОСКВУ.

Москва! священный кликъ! Москва!
Въ тебѣ и жизнь, и духъ Россіи.—
Страданья наши, торжество—
Всѣ исполинскія стихіи!
Ты русскій градъ! народный градъ!
За здравіе твое святое
Бокалы радостно кипятъ,
Сердца кипятъ и бьются вдвое!

LXIII.

ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА.

Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ—здѣсь слишкомъ тепло, мало холода; переѣхала русская столица въ Москву,—нѣтъ, и тутъ мало холода; подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сынкомъ! Что это за виды, что за природа! Воздухъ подернутъ туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь Петербургъ! Передъ

нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ финскій заливъ. Есть ему куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко, или пушокъ, ту-жъ минуту его прочь. Москва — старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ. Петербургъ—разбитной малый, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится—отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые на-завтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужскаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; за то Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія

длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе, если отвороты фрака велики, то у ней—какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ: на все глядитъ съ разсчетомъ, и прежде нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ, и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ средины. Въ Петербургѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; московскіе рѣдко прилагаютъ картинки; если же приложатъ, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч. и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ завернувшись въ медвѣжью шубу и большею частью на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ

сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу, или „въ должность". Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часу; Петербургъ тоже гуляетъ до 1-хъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывалъ, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изрядньшъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва— кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины, и ловитъ мелкихъ покупщиковъ. Москва говоритъ: „коли нужно покупщику, сыщетъ"; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ „Ренскимъ погребомъ" и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери вашего до-

ма. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстухи и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва — большой гостинный дворъ; Петербургъ—свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ: въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна,—даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ, въ Москвѣ всегда попадется въ самой серединѣ модной толпы какая нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказать бы еще кое-что, но—„дистанція огромнаго размѣра“!...

Н. Гоголь.

LXIV.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ.

Какъ не быть различіямъ между Москвой и Петербургомъ? Разное происхожденіе, разное воспитаніе, разное значеніе, разное прохожденіе службы... Петербургъ родился въ 1703 г. послѣ Р. Х. Конечно, человѣкъ такого возраста былъ бы очень не молодъ, ну а городъ 144 лѣтъ просто JEUNE PREMIER. Москва скоро перейдетъ восьмую сотню, она такъ стара что лѣта свои (какъ геологическіе перевороты) вела отъ сотворенія міра, что было очень давно. Москва цвѣла отъ татаръ до Кошихинскаго времени. Петръ I опустилъ паруса ея, видя, что по этому прекрасному пути далѣе идти некуда; Петербургу Петръ I поднялъ паруса, и онъ идетъ впередъ до нынѣшняго дня. Москва лѣтъ пятьсотъ къ ряду отстраивалась—и все ничего не вышло, кромѣ Кремля, а если что вышло, то послѣ французовъ; Пе-

тербургъ выстроился лѣтъ въ пятьдесятъ съ громадностью, о которой Москвѣ не снилось. Москва почти вся сгорѣла въ 1812 году; Петербургъ чуть не утонулъ въ 1824 году. Совершенно разный характеръ: въ Петербургѣ русское начало переработывается въ европейское, въ Москвѣ—европейское начало—въ русское... Но несмотря на это различіе, они не ссорятся; антагонизмъ между Москвой и Петербугомъ—чистѣйшій вымыселъ; его нѣтъ: это болѣзнь нѣсколькихъ воображеній, фактъ исключительный. Я самъ видалъ людей, которые думаютъ, что всякое доброе слово о Петербургѣ—оскорбленіе Москвѣ. Они думаютъ, если вы похвалите калачъ московскій—это значитъ, что нибудь сказать про нихъ; молвишь, что то-то не очень хорошо на Невскомъ, а тебя тотчасъ обвиняютъ, что ты находишь все прекраснымъ въ Москвѣ. Это напоминаетъ ту милую и наивную эпоху критики, когда доброе слово о Шиллерѣ сопровождалось проклятіями Гете, и наоборотъ. Гете, возмущенный однажды глубокомысліемъ подобныхъ сужденій, скромно замѣтилъ Эккерману: „Вмѣсто того, чтобъ благодарить судьбу за то, что она дала имъ насъ обоихъ, они хотятъ непремѣнно пожертвовать одного другому“. Что за необходимость

порицать Москву? Будто нѣтъ тамъ и тутъ хорошаго, не говоря уже о дурномъ? Будто грудь человѣка такъ узка, что она не можетъ съ восторгомъ остановиться передъ удивительною панорамой Замоскворѣчья, стеляшагося у ногъ Кремля, если она когда нибудь высокой поднималась, глядя на Неву, съ ея гранитными берегами, съ дворцами, стоящими надъ водами ея?

Къ тому же, если съ точки зрѣнія различій легко указать рѣзкія противоположности, то не надобно забывать, что много Москвы въ Петербургѣ, и что много Петербурга въ Москвѣ. Петербургъ не оставилъ Москвы въ покоѣ послѣднія сто лѣтъ; у нея, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ зданій, кромѣ историческихъ воспоминаній, ничего не осталось прежняго. Съ своей стороны, Москва и окольныя ея губерніи, переѣзжая въ Петербургъ, привезли съ собою самихъ себя, и отчего же имъ было вдругъ утратить свою особенность? Странная была бы національность наша, если бы достаточно было проѣхать семьсотъ верстъ, чтобъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ—иностранцемъ. Конечно, весь образъ современной жизни, всѣ удобства цивилизаціи, и великій Московскій уни-

верситетъ, и знаменитый Англійскій клубъ, и Дворянское собраніе, и Тверской бульваръ, и Кузнецкій мостъ—все это принадлежитъ не Кошихинскимъ временамъ, а вліянію петербургской эпохи. „Можетъ быть, Москва безъ петербургскаго вліянія развилась бы еще лучше". Можетъ быть... такъ какъ не токмо можетъ быть, но весьма вѣроятно, еслибъ царь Иванъ Васильевичъ вмѣсто Казани взялъ Лиссабонъ, то въ Португаліи было бы теперь что нибудь другое; только это ни къ чему не ведетъ. Не то важно въ исторіи, чего не было, а то, что было. А было то, что въ послѣдній вѣкъ Москва состояла подъ вліяніемъ Петербурга и сама многое доставляла ему; онъ вызвалъ наружу ея сильную производительность; безпрерывный обмѣнъ, безпрерывное сношеніе поддерживали живую связь обоихъ городовъ. Въ иныхъ случаяхъ перевезенное совершенно усвоивалось, въ другихъ особенности еще сильнѣе развились на иной почвѣ,—такъ что можно изучать Петербургъ въ Москвѣ и Москву въ Петербургѣ.

Отъ Петра I до Наполеона Москва жила тихо, незамѣтно; на Петербургъ она не косилась, особенно послѣ первыхъ непріятно-

стей REMUE-MÉNAGE и негодующаго удивленія, что часть ея переѣхала за Неву-рѣку съ Москвы-рѣки, что другая часть-вмѣсто красивой бороды—показала голый подбородокъ, вмѣсто русыхъ волосъ — пудренныя пукли. Случалось ей хмурить брови, обижаться всѣми нововведеніями, но соперничать ей въ голову не приходило; она поняла, что время сильныхъ преслѣдованій не только за употребленіе телятины, но даже табака прошло...

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфирородная вдова.

Москва помнила, быть можетъ, что и она въ свою очередь была Петербургомъ, что и она была нѣкогда новымъ городомъ, надменно поднявшимъ свою голову надъ старыми городами, опираясь на слабость ихъ и на ордынскую поддержку. Старые города обидѣлись: они хотѣли высокомѣрно не знать Москвы... Но она шла своимъ путемъ. „Посмотримъ, посмотримъ!“ говорили старые города: „что-то она сдѣлаетъ съ Тверью, какъ-то совладаетъ съ Псковомъ, какъ-то

сладитъ съ Новымъ-городомъ!" Посмотрѣли, увидѣли какъ, да и склонились. Между Москвой и Петербургомъ ничего подобнаго не было. Петербургъ, какъ едукованный юноша, афишировалъ решпектъ и атенцію Москвѣ, окружалъ ее знакомъ величайшаго вниманія; а она, какъ добрая русская помѣщица, готовая всѣхъ угостить и послать всякіе гостинцы, любила иногда пожурить Петербургъ такъ, какъ бабушки журятъ внучатъ юнкеровъ, пріѣзжающихъ въ отпускъ,— зачѣмъ трубку курятъ и постныхъ дней не соблюдаютъ... Но пожуривши, Москва отправляла въ Петербургъ свое молодое поколѣніе служить въ гвардію, окружать дворъ; даже литераторы перебрались туда писать и вдохновляться; сердечная связь у этихъ переселенцевъ съ Москвою нисколько не перерывалась: при всякой невзгодѣ, при устали и грусти вспомнилась родная столица. Маститые вельможи и государственные люди пріѣзжали въ Москву отдыхать, провести остатокъ дней своихъ въ величайшемъ покоѣ, повѣствуя жизнь свою и прислушиваясь издали къ быстро несущимся событіямъ непетербургской жизни.

Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣгъ праздной,
Въ тѣни порфировыхъ бань и мраморныхъ палатъ
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ;
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Среди этихъ мирныхъ и дружныхъ отношеній наступилъ 1812 годъ. Не знаю, былъ ли Наполеонъ ученикъ Линетти или Калліостро, но онъ былъ величайшій фокусникъ въ мірѣ. Онъ сдѣлалъ сперва изъ г. Мортье тревизскаго герцога, а потомъ сдѣлалъ тревизскаго герцога московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, а маршала Нея просто московскимъ княземъ. Москва попала съ орфографической ошибкой въ бюллетени великой арміи. Наполеонъ переѣхалъ изъ Тьюльри въ кремлевскій дворецъ. Вся Русь, задерживая дыханіе, устремила свое вниманіе на Москву, вся Европа ее вспомнила въ первый разъ послѣ Маржерета, Лоссевина, Флетчера и другихъ. Вліяніе ея, утраченное цѣлымъ вѣкомъ, вполнѣ возстановилось нѣсколькими днями великаго пожара. Въ добровольномъ несчастіи Москвы было что-то захватывающее душу: она сдѣлалась интересна съ своими об-

горѣлыми домами; она вошла въ моду съ своими улицами, на которыхъ стояли одни черныя трубы, одни задымленныя стѣны. Эта горестная година миновала Петербургъ; князь Витгенштейнъ не пустилъ къ нему непріятеля; спокойствіе его не было возмущено ни на одинъ день. Все это прекрасно, все это слава Богу, но не имѣетъ интереса, люди всего болѣе интересуются несчастіями. Разсказы о Москвѣ носились по всему свѣту. Нѣтъ человѣка не только въ Калифорніи и Полинезіи, но въ южной Италіи, гдѣ ничего не знаютъ, который бы не слыхалъ о томъ, какъ дивно, какъ громадно, какъ удивительно, какъ быстро обстроилась Москва. Колейно можно сказать, слухи эти не безъ увеличенія, не то, чтобъ въ самомъ дѣлѣ обстройка эта была такъ сказочно хороша, дома обклеены колоннами, фронтонами съ страшными претензіями, каждый стоитъ на свой салтыкъ, огороженный какимъ-то уродливымъ заборомъ. И что же Москва была прежде, если была гораздо хуже?—это тайна, которую она запечатлѣла великимъ пожаромъ. Оставимъ ее подъ историческими углями.

Послѣ 1812 года уваженіе къ Москвѣ было

безусловно: вся Русь, весь Петербургъ брали въ ней живѣйшее участіе; костеръ, зажженный собственными руками, поразилъ своей героической рѣшительностью всѣ уцѣлѣвшіе города. Войска возвращались, осыпанные крестами и медалями, офицеры летѣли въ Москву отдохнуть съ родными вспомнить семейную жизнь, которая также хороша послѣ лагеря, какъ лагерь хорошъ послѣ семейной жизни; нигдѣ не было и тѣни соперничества, вражды, никто не предполагалъ, не предвидѣлъ, что въ это время торжествъ и мира зарождалось въ тиши та высокая и мощная теорія, которой назначено было явиться грознымъ маякомъ. Шагъ, сдѣланный ею для нашего развитія, необъятенъ. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ передъ нею весь рядъ побѣдъ 1812 и 13 годовъ, переходъ по Европѣ, русскіе гвардейцы на бивакахъ передъ Тюльерійскимъ дворцомъ? Кѣмъ сдѣланы эти побѣды? Людьми, любившими европейское образованіе, любившими Парижъ и французовъ, любившими говорить по французски,—людьми, которые чрезвычайно удивились бы, услышавъ о томъ, что истинный русскій долженъ ненавидѣть нѣмца, презирать француза, что патріотизмъ состоитъ не столько изъ любви

къ отечеству, сколько изъ ненависти ко всему, внѣ отечества находящемуся, и тому подобныя правила любви и братства. Храбрые воины, актеры великой эпохи, думали, что достаточно грудью стать противъ непріятеля и мужественно отразить его; они не знали, что сверхъ того необходимо день и ночь у себя въ комнатѣ бранить нѣмцевъ и гніющую цивилизацію Европы; эти воины мечтали, что они съ пріобрѣтеніемъ образованія не утратили достоинства русскаго. Какой предразсудокъ! Оттого то они и уменьшили славу своихъ побѣдъ кротостью, съ которой они обращались съ побѣжденными. Но извинимъ ихъ,—тогда еще не были брошены въ судьбы всемірной исторіи изслѣдованія о происхожденіи Руси, тогда пѣлъ суетный Пушкинъ, который въ своей поэтической распущенности бросилъ по нѣскольку стиховъ Петербургу и Москвѣ, въ которыхъ оба города дивно отразились, но зачѣмъ же не одинъ?

Довольно впрочемъ о важныхъ матеріалахъ; займемтесь лучше маленькими различіями петербургскихъ и московскихъ нравовъ—это гораздо веселѣе и не такъ сильно потрясаетъ нервы, какъ маячныя теоріи. Въ

Москвѣ все шло медленно—въ Петербургѣ все шло черезъ пень въ колоду; оттого житель Петербурга привыкъ къ дѣятельности: онъ хлопочетъ, онъ домогается, ему некогда, онъ занятъ, онъ разсѣянъ, онъ озабоченъ, онъ опоздалъ, ему пора!... Житель Москвы привыкъ къ бездѣйствію: ему досужно, онъ еще погодитъ, ему еще хочется спать, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія вѣчности; сегодня не поспѣетъ, завтра будетъ, а и завтра не послѣдній день.—Москвичъ только живетъ и насилу можетъ отдохнуть послѣ обѣда, петербуржецъ и не живетъ за суетой суетствій, и такъ мало обѣдаетъ, что даже ночью не стоитъ отдыхать. У петербуржца цѣли часто ограниченныя, не всегда безусловно чистыя; но онъ ихъ достигаетъ, онъ всѣ силы свои устремляетъ къ одной цѣли: это чрезвычайно воспитываетъ способность труда, гибкостьума, настойчивость; москвичъ — почти всегда преблагороднѣйшій въ душѣ, ничего не достигаетъ, потому что и цѣли не имѣетъ, а живетъ въ свое удовольствіе и въ горесть лошадямъ, на которыхъ безъ нужды ѣздитъ съ Разгуляя на Дѣвичье поле. Москвичъ, какъ бы ни былъ занятъ—скроетъ это и будетъ отъ души радъ, что ему помѣшали; петербуржецъ, какъ

бы ни былъ свободенъ отъ дѣлъ, никогда не признается въ этомъ. Въ Петербургѣ на каждомъ шагу встрѣтите представителей всѣхъ военныхъ чиновъ и четырнадцати соотвѣтствующихъ классовъ статской службы; въ Москвѣ отставныхъ изъ всѣхъ чиновъ военной и статской службы: изъ военной—знаменитыхъ людей венгерокъ и усовъ, трубокъ и картъ; изъ статскихъ—вѣчныхъ обѣдателей англійскаго клуба, людей золотыхъ табакерокъ и картъ. Ихъ почти совсѣмъ не найдешь въ Петербургѣ, за то я и въ Петербургѣ между львами, тиграми и прочими злокачественными знаменитостями встрѣчалъ такихъ людей, которые ни на какого звѣря, даже на человѣка не похожи, а въ Петербургѣ дома какъ рыба въ водѣ. Московскіе писатели ничего не пишутъ, мало читаютъ—и очень много говорятъ; петербургскіе ничего не читаютъ, мало говорятъ—и очень много пишутъ. Московскіе чиновники заходятъ всякій день (кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней) на службу; петербургскіе—заходятъ всякій день со службы домой; они даже въ праздничный день, хотя на минуту, а заглянутъ въ департаментъ. Въ Петербургѣ того и смотри умрешь

на полдорогѣ, въ Москвѣ изъ ума выживаешь; въ Петербургѣ исхудаешь, въ Москвѣ растолстѣешь, совершенно противоположное міросозерцаніе.

Москвичъ любитъ отъ души Москву, нигдѣ не можетъ жить, какъ въ Москвѣ: ему неловко въ Петербургѣ, онъ всюду опаздываетъ, онъ чувствуетъ себя тамъ не дома: и квартиры тѣсны, и лѣстницы высоки, и обѣдаютъ поздно, и Кремля нѣтъ, и икра паюсная хуже... Но, возвратясь въ Москву, онъ начинаетъ хвастать Петербургомъ, онъ показываетъ въ образецъ фракъ, сшитый на Невскомъ; подражаетъ петербургскимъ модамъ, приказываетъ людямъ изъ домашняго сукна сшить штиблеты съ оловянными пуговками; привозитъ бездну ненужныхъ вещей, сдѣланныхъ въ Москвѣ и увѣряетъ, что такихъ въ Москвѣ ни за какія деньги не найдешь. Петербуржецъ—не такъ сильно страдаетъ тоскою по родинѣ; онъ вообще привыхъ себя считать выше тоски; но въ Москвѣ на все смотритъ свысока; на низкіе дома, на тусклые фонари, на узкіе тротуары—и ни за что въ свѣтѣ не сознается, что въ Дрезденѣ нумера лучше, нежели въ петербургскихъ гостинницахъ, и что у Шевалье

можно обѣдать не хуже, чѣмъ у Леграна и Сен-Жоржа. Ему смерть не хочется ѣхать въ Петербургъ, но онъ показываетъ видъ, что стремится вырваться изъ провинціальнаго города такъ, какъ москвичъ показываетъ изъ себя отчаяннѣйшаго петербуржца и большого любителя петербургскихъ нравовъ. Воротившись, петербуржецъ карабкается на свой четвертый этажъ и, отдыхая среди запаха кухни въ маленькой лачугѣ, смѣется надъ московскимъ просторомъ.

Вообще я слышалъ отъ многихъ, что Петербургу вмѣняютъ въ достоинство эти сплошные дома о пятистахъ окнахъ, а Москвѣ вмѣняютъ въ недостатокъ, что дома ея удобнѣе, что никто тамъ другъ другу не мѣшаетъ, что московская постройка способствуетъ чистотѣ воздуха. Я ужасно люблю старинные московскіе дома, окруженные полями, лѣсами, озерами, парками, скверами, гаванями, пустынями и степями, по которымъ едва протоптаны дорожки отъ дома къ погребу и на которыхъ, если не найдете дворника, то зато встрѣтите стадо дикихъ собакъ. Замѣчательно, что въ Москвѣ домъ окруженъ дворомъ, а въ Петербургѣ дворъ—домомъ: это имѣетъ тоже свою прелесть... Мнѣ часто

приходило въ голову: если-бъ въ Петербургѣ случилась теплая погода, и свѣтило бы солнце, какую прекрасную тѣнь можно бъ было находить на дворѣ!... Но возвратимся отъ домовъ опять къ людямъ. Въ Петербургѣ ужасно любятъ роскошь, но терпѣть не могутъ ничего лишняго; въ Москвѣ только лишнее и считается роскошью; оттого въ Москвѣ почти у каждаго дома колонны, а въ Петербургѣ ни у одного; оттого петербургское гостепріимство стремится изящнымъ образомъ насытить вашъ голодъ и вашу жажду и на этомъ останавливается, а московское только тутъ и начинается: оно молчитъ, пока вамъ хочется пить и ѣсть, и начинаетъ свое преслѣдованіе, когда видитъ, что вамъ не возможно ни пить, ни ѣсть. Потому же у каждаго московскаго барина множество слугъ въ передней, дурно одѣтыхъ и болѣе пріученныхъ къ отъѣзжему полю, нежели къ мирнымъ комнатамъ; а въ Петербургѣ одинъ слуга, много двое, чисто одѣтыхъ и ловкихъ, но неумѣющихъ травить гончими,—что и не очень нужно за порядочнымъ ужиномъ, гдѣ даже и жареныхъ зайцевъ не подаютъ. Москвичъ непремѣнно закладываетъ четыре лошади въ карету—не для легкости и ско-

рости, а изъ уваженія къ собственному достоинству; петербуржецъ катится въ маленькой колясочкѣ вдвое быстрѣй москвича. Москвичъ любитъ внѣшніе знаки отличія и церемоніи, петербуржецъ предпочитаетъ мѣсто и матеріальныя выгоды. Москвичъ любитъ аристократическія связи,—петербуржецъ связи съ должностными людьми. Въ Москвѣ до сихъ поръ всякаго иностранца принимаютъ за великаго человѣка,—въ Петербургѣ каждаго великаго человѣка за иностранца: тамъ долго никто не вѣрилъ, что Брюловъ—русскій. Другихъ иностранцевъ, собственно, въ Петербургѣ и нѣтъ; тамъ такъ много иностранцевъ, что они сдѣлались туземцами. Одна изъ отличительныхъ чертъ Петербурга отъ прочихъ новыхъ городовъ всей Европы состоитъ въ томъ, что онъ на всѣ похожъ, тогда какъ Москва ни на какой не похожа—ни въ Европѣ, ни въ Азіи.

1846 *М—р ъ.*

LXV.

МОСКВА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

(Изъ записокъ А. И. Г.)

Я зналъ одну молодую Москву, литературно-свѣтскую, и говорю только объ ней. Что прозябало и жило между старцами пера и меча, дожидавшимися своихъ похоронъ по рангу, и ихъ сыновьями или внучатами, не искавшими никакого ранга и занимавшимися „книжками и мыслями“,—я не зналъ и не хотѣлъ знать. Промежуточная среда эта была безцвѣтна и пошла, безъ екатерининской оригинальности, безъ отваги и удали людей 1812 года, безъ нашихъ стремленій и интересовъ. Говоря о московскихъ гостиныхъ и столовыхъ, я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, гдѣ до насъ декабристы давали тонъ, гдѣ смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Ѳ. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что

они были въ опалѣ, гдѣ, наконецъ, А. С. Хомяковъ спорилъ до четырехъ часовъ утра, начавши въ девять; гдѣ К. Аксаковъ, съ мурмолкой въ рукѣ, свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобъ не сотворить тайно моленіе и тостъ, который всѣ знали: гдѣ Р..... выводилъ логически личнаго Бога, AD MAJOREM GLORIAM HEGELIJ; гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью; гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича; гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицомъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными; гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы, отъ Шатобріана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ; гдѣ Боткинъ и Крюковъ пантеистически наслаждались разсказами М. С. Щепкина и куда, наконецъ, иногда падалъ, какъ конгревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало.

Вообще въ Москвѣ жизнь больше деревен-

ская, чѣмъ городская, только господскіе дома близко другъ отъ друга.

Въ ней не приходитъ все къ одному знаменателю,—а живутъ себѣ образцы разныхъ временъ, образованій, слоевъ, широтъ и долготъ русскихъ. Въ ней Ларины и Фамусовы спокойно оканчиваютъ своей вѣкъ; но не голько они, а и Владиміръ Ленскій и нашъ чудакъ Чацкій—Онѣгиныхъ было даже слишкомъ много. Малозанятые, всѣ они жили не торопясь, безъ особыхъ заботъ, спустя рукава. Помѣщичья распущенность, признаться сказать, намъ по душѣ; въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада. Подобострастный кліентизмъ, о которомъ говоритъ дѣвица Уильмотъ въ запискахъ Дашковой и который я самъ еще засталъ—въ тѣхъ кругахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не существовалъ. Хоръ этого общества былъ составленъ изъ неслужащихъ помѣщиковъ или служащихъ не для себя, а для успокоенія родственниковъ, людей достаточныхъ, изъ молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. Въ этомъ обществѣ была та свобода неустоявшихся отношеній и неприведенныхъ въ косный порядокъ обычаевъ, которой нѣтъ въ старой

европейской жизни, и въ то же время въ немъ сохранилась привитая намъ воспитаніемъ традиція западной вѣжливости, которая на Западѣ исчезаетъ; она, съ примѣсью славянскаго LAISSER ALLER, а подъ часъ и разгула, составляла особый русскій характеръ московскаго общества, къ его великому горю, потому что оно смертельно хотѣло быть парижскимъ, и это хотѣніе навѣрное осталось.

Москва сороковыхъ годовъ принимала дѣятельное участіе за мурмолки и противъ нихъ; барыни и барышни читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за К. Аксакова, или за Грановскаго, жалѣя только, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточно патріотъ.

LXVI.

Олегъ, грамматикъ странный самый,
Родъ женскій съ мужескимъ смѣшалъ:
Всѣмъ русскимъ городамъ упрямо
Онъ Кіевъ матерью назвалъ.
Но Кіевъ-матушка съ нуждою
Въ народную ложилась рѣчь:
Не долго могъ онъ быть главою
И землю Русскую стеречь.

Москва поправила ошибку, —
Оправданъ ею былъ Олегъ,
И видимъ мы, что рѣчь незыбку
Про мать градовъ онъ древле рекъ.
Москва за Русь возстала мочно,
Нѣтъ счета порваннымъ цѣпямъ,
И стала матерію точно
Она всѣмъ русскимъ городамъ!

LXVII.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ.

I.

Какъ хороша Москва весною!
Какъ хороша весна въ Москвѣ!
Надъ этой пестрою громадой,
День яркій блещетъ въ синевѣ.

Благоуханья полонъ воздухъ,
Онъ вѣетъ мягкой теплотой,
И упоительная нѣга
Несется сладкою струей.

Все дышетъ жизнью и весельемъ,
Все празднуетъ цвѣтущій май:
Сады зеленымъ ожерельемъ
Переплелись изъ края въ край.

Изъ волнъ воздушныхъ выплывая,
Златые куполы горятъ;

Кресты, какъ серафимовъ стая,
Съ земли на небеса парятъ.

Съ холмовъ Москвы вперяю очи
Въ широкій, дальній небосклонъ:
Монастыри, лѣса и села
Красуются со всѣхъ сторонъ.

Понившая своей волною
Давно минувшіе вѣка,
Тамъ вьется свѣтлой полосою
Смиренная Москва-рѣка.

Ея изгибами игриво
Объяты жатвы и луга,
И Карамзинъ краснорѣчиво
Ея прославилъ берега.

Когда на гладь рѣки наводитъ
Свой алый блескъ сходящій день,
Тамъ бѣдной Лизы грустно бродитъ
Москвой оплаканная тѣнь.

Ее почуешь думой нѣжной,
И видишь: какъ въ рѣчной потокъ
Она, въ часъ грусти безнадежной,
Кидаетъ ландышей пучекъ.

II.

Священны, о Москва! преданья
Твоихъ краснорѣчивыхъ стѣнъ;
Онѣ скрижаль бытописанья
Богатыхъ славою временъ.

Твой Кремль—алтарь нашъ и твердыня!
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ—наша сила и святыня,
Молебникъ и архистратигъ.

Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
Онъ носитъ жезлъ и копіе,
За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ—и спасъ ее...

Чье сердце русское не дрогнетъ,
Когда съ твоихъ колоколовъ
Раздастся въ благовѣстѣ громкомъ
Къ народу православный зовъ?

Течетъ толпа за крестнымъ ходомъ,
Въ одинъ потокъ слилась Москва;
Все духовенство предъ народомъ,
Святое войско Божества.

Грядетъ во блескѣ облаченья;
Сіяетъ золотомъ парча;
Хоругви вьются, льются пѣнья,
Напѣвомъ неземнымъ звуча.

Благочестивая картина,
Народной памяти обрядъ!
Годинѣ вслѣдъ прошла година,
Пройдетъ вѣковъ грядущихъ рядъ.—

На этотъ праздникъ ежегодный,
На эту тризну старины,
Съ молитвой вновь, семьей народной,
Стекутся вѣрные сыны,

И мѣстный образъ поднимая,
Устроятъ тотъ же крестный ходъ,
Обычай предковъ поминая
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.

Струя преданій! Поколѣньямъ
Святой, живительный родникъ!
Гдѣ ты хранимъ съ благоговѣньемъ,—
Народъ тамъ крѣпокъ и великъ!

III.

Твердятъ: ты съ Азіей Европа,
Славянскій и татарскій Римъ,
И то, что зрѣлось до потопа,
Въ тебѣ еще и нынѣ зримъ.

Въ тебѣ и новый міръ, и древній;
Въ тебѣ пасутъ свои стада
Патріархальныя деревни
У Патріаршаго пруда;

Строенья всѣхъ цвѣтовъ и зодчествъ,
А подписи на воротахъ—
Наборъ такихъ именъ и отчествъ,
Что просто зарябитъ въ глазахъ;

Здѣсь чудо-барскія палаты,
Съ гербомъ, гдѣ вѣнчанъ знатный родъ,—
Вблизи—на курьихъ ножкахъ хаты
И съ огурцами огородъ.

Поэзія съ торговлей рядомъ:
Ворвался Манчестеръ въ Царь-градъ,
Паровики дымятся смрадомъ,—
Рай нѣги и рабочій адъ!

Кузнецкій мостъ давно безъ кузницъ,
Парижа пестрый уголокъ,
Гдѣ онъ вербуетъ русскихъ узницъ.
Гдѣ онъ сбираетъ съ нихъ оброкъ.

А тутъ, посмотришь,—Русь родная
Съ своею древней простотой,
Не стертая, не початая,
Какъ самородокъ золотой,—

Русь въ кичкѣ, въ красной душегрѣйкѣ,
Она, какъ будто за сто лѣтъ,
Живетъ себѣ на Моросейкѣ,
И до Европы дѣла нѣтъ.

Все это такъ—и тѣмъ прекраснѣй!
Разнообразье—красота:
Былъ жизни, съ своенравной басней;
Здѣсь хламъ, тамъ свѣжая мечта.

Здѣсь личность есть и самобытность,
Кто я, такъ я, не каждый мы:
Чувствъ подчиненность или скрытность
Не заморозила умы.

Нѣтъ обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общихъ формъ;

Что конь степной—здѣсь каждый малой,
Разнузданъ на подножный кормъ.

У каждаго свои причуды
И свой аршинъ съ своимъ конькомъ,
Свой нравъ, свой толкъ и пересуды
О томъ, о семъ и ни о чемъ.

Москва! подъ оболочкой пестрой,
Храни свой самородный бытъ!
Пусть Грибоѣдовъ шуткой острой
Тебя насмѣшливо язвитъ;

Ты не смущайся, не мѣняйся;
Вѣками вылитая въ мѣдь,
На Кремль свой гордо опирайся,
И чѣмъ была, тѣмъ будь и впредь!

Величье есть въ твоемъ упадкѣ,
Въ рубцахъ твоихъ истертыхъ латъ!
Есть прелесть въ этомъ безпорядкѣ
Твоихъ разбросанныхъ палатъ,

Твоихъ садовъ и огородовъ,
Высокихъ башенъ, пустырей,
Съ желѣзной мачтою заводовъ
И съ колокольнями церквей.

Есть прелесть въ дружбѣ хлѣбосольной
Гостепріимныхъ москвичей,
Въ ихъ важности самодовольной,
Въ игрѣ невинныхъ ихъ затѣй.

Здѣсь повсемѣстный и всегдашній
Есть русскій складъ, есть русскій духъ,
Начать—отъ Сухаревой башни
И кончить—сплетнями старухъ.

1792 *Князь П. Вяземскій.*

LXVIII.

*
* *

Былъ чудный майскій день въ Москвѣ,
Кресты церквей сверкали;
Вились касатки подъ окномъ
И звонко щебетали.

Я подъ окномъ сидѣлъ влюбленъ,
Душой и юнъ и боленъ;
Какъ пчелы, звуки вдалекѣ
Жужжали съ колоколенъ.

Вдругъ звуки стройно, какъ органъ,
Запѣли въ отдаленьи;
Невольно дрогнула душа
При этомъ стройномъ пѣньи.

И шелъ и росъ поющій хоръ,—
И непонятной силой
Въ душѣ сливался ликъ небесъ
Съ безмолвною могилой:

И шелъ и росъ поющій хоръ,—
И черною грядою
Тянулся набожно народъ
Съ открытой головою.

И миновалъ поющій хоръ,
Его я минулъ взоромъ,
И гробикъ розовый прошелъ
За громогласнымъ хоромъ.

Струится теплый вѣтерокъ,
Покровы колыхая,
И мнѣ казалось, что душа
Парила молодая.

Весенній блескъ, весенній шумъ,
Молитвы стройной звуки,
Все тихимъ вѣяло крыломъ
Надъ грустію разлуки.

За гробомъ шла шатаясь, мать,—
Надгробное рыданье!
Но мнѣ казалось, что легко
И самое страданье.

А. Фетъ.

LXIX.

ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Ахъ, Ботнинъ, Ботнинъ! съ какою бы радостію побылъ я хоть минутку въ милой Москвѣ, послушалъ бы царственнаго гула ея колоколовъ, взглянулъ бы на святой Кремль и на бодрыхъ московскихъ людей съ бородками... А если бъ часокъ посидѣть въ твоей комнатѣ—святители! Но увы! мнѣ долго не видать Москвы...

Бѣлинскій.

„Ахъ, если бы мнѣ позволено было оставить службу, — съ какимъ удовольствіемъ поселился бы я здѣсь навсегда!“

М. Лермонтовъ.

Гоголь къ Максимовичу: „Влюбился же въ эту старую, толстую бабу—Москву, отъ которой, кромѣ щей да матерщины, ничего не услышишь!“

LXX.

ИЗЪ КОМЕДІИ А. С. ГРИБОѢДОВА

„ГОРЕ ОТЪ УМА“.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы затя онъ съ звѣздами, да
съ чинами.

Что новаго покажетъ мнѣ Москва?

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть
свѣтъ!

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ.

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода.
Чего? Плодятся годъ изъ года.

....Едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

Дистанція огромнаго размѣра.

Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать, и весело пожить.

У насъ (въ Москвѣ) ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.

Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ понятіяхъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ глупыхъ лицъ, всѣхъ вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ,
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявить—
Вездѣ его бѣгутъ...

Нѣтъ, недоволенъ я Москвой.

Москва, вишь, виновата..

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды да обновы!

Вотъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.

IV

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

LXXI.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНІЕ.

Ты знаешь градъ, заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ, бушуетъ „Русскій Вѣстникъ“,
Гдѣ „Аѳеней“, какъ ручеекъ, журчалъ.
Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Ученый говоритъ: тотъ градъ славнѣе Рима;
Прозаикъ—„сердцемъ родины“ зоветъ;
Поэтъ гласитъ: „Россіи дочь любима“,
И „матушкою“ чествуетъ народъ.
Недаромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы
При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
Въ 12-мъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ!

Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади;
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди.
Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ:
Въ послѣдней ли войнѣ, въ вопросѣ ли крестьянскомъ—
Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ.
Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ;
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи—
Отвсюду вѣетъ чисто-русскій духъ.
Все взоры веселитъ, все сердце умиляетъ,
На выспренній настраиваетъ ладъ—
Царь-колоколъ лежитъ, царь пушка не стрѣляетъ—
И сорокъ сороковъ безъ умолку гудятъ.
Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность
Тамъ принялись науки сѣмена,
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность

Что комара не примутъ за слона.
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Подмѣтятъ все, оцѣнятъ, разберутъ:
Анаѳемѣ тамъ преданъ —ій,
И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ!
Правдивый градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Мудреный градъ! По приговору сейма,
Тамъ судятся и люди и статьи;
Ученый Бабстъ стихами Розенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои;
Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары:
Ужъ точно ли не нужно сѣчь дѣтей;
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей.
Мудреный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба,
Байборода Крылова обличилъ,
Тамъ *** былъ пораженъ сугубо,
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ.
Тамъ, что ни мужъ, то жаркій другъ прогресса;
И лишь не вдругъ могли уразумѣть:
Что̀ на пути къ нему вѣрнѣе—пресса
Или умно направленная плеть?
Разумный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства искусство любятъ тамъ;
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженье дамъ.
И что́ романъ! Тамъ поражаютъ пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поютъ.
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ „Свистокъ“ проклятью предаютъ.
Серьезный градъ! Туда, туда съ тобой
Намъ страшно показаться, милый мой!

Н. Некрасовъ.

LXXII.

У ИВЕРСКОЙ ЧАСОВНИ.

Здѣсь воздухъ напоенъ дыханіемъ молитвы“
Сюда мошенники приходятъ для ловитвы
Здѣсь умиленіе безъ носовыхъ платковъ
И благочестіе нерѣдко безъ часовъ.

Н. Щербина.

LXXIII.

МОСКВА.

Ахъ, лукавитъ молва,
Что уснула Москва,
Братцы!
Что, осиливъ блины,
Ей тревожные сны
Снятся;

Что, не зная заботъ,
Ей милѣй круглый годъ
Спать бы,
И гадать на бобахъ,
И играть черезъ свахъ
Свадьбы.

Ахъ, зачѣмъ клевета
Осмѣяла мѣста
Эти!
Вѣдь языкъ злыхъ людей
Бьетъ, повѣрьте, больнѣй
Плети.

Нѣтъ, Москва-старина
И въ просонкахъ умна
Даже,
Не слабѣетъ отъ лѣтъ,
Европейской въ ней нѣтъ
Блажи.

Не горитъ въ ней „Маякъ“,
„Москвитянинъ“-чудакъ,
Гдѣ-ты?
Какъ „Маякъ“ отъ кручинъ,
Ты погибъ средь пучинъ
Леты.

Но иная заря,
Надъ Москвою горя,
Встала...
Развѣ новыхъ умовъ
Межъ твоихъ теремовъ
Мало?

Нѣтъ, лукавитъ молва,
Что уснула Москва,
Братцы!
Все впередъ въ ней идетъ,
Лишь за дѣло начнетъ
Браться.

Д. Минаевъ.

СРАВНЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА СЪ МОСКВОЙ.

У васъ Нева,
У насъ Москва.
У васъ Княжнинъ,
У насъ Ильинъ.
У васъ Хвостовъ,
У насъ Шатровъ.
У васъ плутамъ,
У васъ глупцамъ,
Больнымъ .....,
Дурнымъ стихамъ—
И счету нѣтъ.
Боюсь и здѣсь
Не лучше смѣсь...
Въ чахоткѣ честь,
А съ брюхомъ лесть—
Какъ на Невѣ,
Такъ и въ Москвѣ.
Мужей въ рогахъ,
Дѣвицъ въ родахъ,

Мужчинъ въ чепцахъ,
А бабъ въ портқахъ—
Найдешь у васъ,
Какъ и у насъ,
Не пяля глазъ.

Кн. Вяземскій.

LXXV.

КЛУБЪ МОСКОВСКІЙ.

Начинаю. Москва. День субботній.
(Петербургъ не лишенъ ѣдоковъ,
Но въ Москвѣ грандіознѣй, животнѣй
Этотъ типъ). Среди полныхъ столовъ,
Вотъ рядкомъ старики объѣдалы:
Въ пятеромъ имъ четыреста лѣтъ,
Видъ ихъ важенъ, чины ихъ немалы,
Толщиною же равныхъ имъ нѣтъ.
Раздражаясь изъ каждой бездѣлки,
Порицаютъ неловкость слуги,
И отъ жадности, вмѣсто тарелки,
На салфетку валятъ пироги;
Шевелясь, какъ осеннія мухи,
Льютъ, роняютъ,—безпамятны, глухи;
Взоръ ихъ медленъ, безцвѣтенъ и тупъ.
Скушавъ супъ, старина засыпаетъ
И, проснувшись, слугу вопрошаетъ:
„Человѣкъ! подавалъ ты мнѣ супъ?..“

Впрочемъ, честь ихъ чужда укоризны:
Добывали мѣста для родни
И въ сенатѣ на пользу отчизны
Подавали свой голосъ они.
Жаль, ужъ ихъ потеряла Россія,
И оплакалъ москвичъ отъ души:
Подкосила ихъ „ликантропія“,
Ихъ заѣли подкожныя вши...

Н. Некрасовъ.

LXXVI.

NOCTURNO.

Не широка,
Не глубока,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Москва-рѣка.

Въ сонномъ воздухѣ все тихо,
Въ небѣ крадется луна;
Чу! московская купчиха
Распѣваетъ у окна.

Не широка,
Не глубока,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Москва-рѣка.

Скинь корсетъ свой, ангелъ милый,
И явись, какъ ясный „День“,
Молятъ всѣ славянофилы:
Сарафанъ родной надѣнь!

Не широка,
Не глубока,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Москва-рѣка.

Д. Минаевъ.

МОСКВА.

(ДОБАВЛЕНІЯ *).

Прекрасна ты въ одеждѣ вѣковой
Царица мать земли моей родной!,
Какъ гробъ, костей, ты дѣлъ былыхъ полна:
Но гдѣ жъ они, кѣмъ ты была сильна?,..

Державный градъ на сѣверѣ стоитъ;
У ногъ его сѣдое море спитъ;
Порой оно подъемлетъ голосъ свой
И берегъ бьетъ широкою волной.
Но дивный градъ стоитъ неодолимъ,
И море вновь стихаетъ передъ нимъ.
Когда бъ взглянулъ на рядъ гробовъ твоихъ,
На ветхій Кремль, на сонмъ церквей святыхъ,
То со стыда въ неруѣскую Неву
Вѣнчанную сокрылъ бы онъ главу!
Прекрасна ты въ одеждѣ вѣковой,
Царица-мать земли моей родной!

1834 *Т. Грановскій.*

*) Мы нашли эту пьесу послѣ того, какъ книга была отпечатана, и помѣщаемъ ее, какъ заключеніе нашего сборника.

V.

СЛАВЯНЕ О МОСКВѢ.

Столица ваша—Москва, а не Петербургъ, который ни что иное, какъ резиденція Государя.

Наполеонъ I
(въ разговорѣ съ Тучковымъ)

LXXVI.

ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

(изъ чѣляковскаго).

То не ливень шелъ, то не градъ упалъ,
А въ поляхъ большихъ полегли хлѣба.
И залитые, и побитые:
Подъ Москвой святой, подъ родимою,
На равнинахъ ли, на печальныхъ тамъ
Много храбраго войска русскаго,
Много воинства и французскаго
Ко сырой землѣ клонитъ голову—
Переколото, перебитое
Саблей острою, боевымъ штыкомъ,
Градомъ пламеннымъ изъ картечь и пуль.

Дѣти вѣрныя родной матери,
Вы защитники милой родины,
Вы заступники царя добраго!
Какъ за ту любовь и за преданность,
И за вашъ животъ, принесенный въ дань,

Совершили мы панихиду вамъ,
Какой свѣтъ еще и не видывалъ,
Можетъ быть, еще и не слыхивалъ!

У насъ не было вдоволь свѣчъ про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу
И поставили въ храмѣ Божіемъ,—
Лишь одну свѣчу—Москву матушку...
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ—къ посрамленію.

М. П—ій.

LXXVII.

ИЗЪ КОЛЛАРА.

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоитъ золотоверхая Москва,
Крестами храмовъ блеща и играя.

Вдругъ занялася пламенемъ она;
Реветъ пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая—
И запылалъ дворецъ Растопчина...

Погибли созиданія столѣтій!..
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей зажгла?
„Чтобы яснѣй вселенная прочла

Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знало объ, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои родныя дѣти!“

Н. Берг.

LXXVIII.

МОСКВА.

(изъ сундечича).

Плачетъ мать—Москва святая—
Врагъ на грудь ей наступилъ:
Бородинскій бой кровавый
Къ ней дорогу проложилъ.

Вотъ Москва уже пылаетъ!
Смотритъ царь изъ-за Кремля,
Какъ все рушится, все гибнетъ,
Чѣмъ горда его земля.

Нѣтъ Москвы, его столицы,
Но спасенъ его народъ,
Но спасенъ отъ униженья
Всѣхъ славянъ могучій родъ!

И Москва опять воскресла
Въ сто разъ краше, чѣмъ была...
О, когда-бъ ты все славянство
Дивнымъ свѣтомъ облила!

Н. Гербель.

LXXIX.

НАША НАДЕЖДА.

(изъ медича).

отрывокъ.

Долго былъ престольный Кіевъ
Царства русскаго главою,
Но свершилось — и склонился
Онъ предъ царственной Москвою.

Здѣсь орелъ, Кремля владыка,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполинскими крылами.

Но теперь онъ тамъ витаетъ,
Гдѣ дика краса природы,
Гдѣ Нева въ сѣдое море
Катитъ царственныя воды.

Тамъ хранится православье,
Тамъ законъ правдиво чтится —

Все, чему Кириллъ-Меѳодій
Заставляли насъ учиться.

Тамъ почіютъ всѣ надежды:
Такъ славянская держава,
Что ростетъ, на зависть міру,
И грозна, и величава.

А въ Кремлѣ Иванъ Великій
Громко вѣрныхъ призываетъ
И слова такія въ храмѣ
Повторять ихъ научаетъ:

„Слава матушкѣ-столицѣ,
Что при заревѣ пожара
Сокрушила гордость злую
Ненавистнаго корсара!

„Слава царству молодому!
Слава свѣта властелину!
Слава мудрому монарху,
Слава доблестному сыну!“

О, Москва! къ тебѣ съ надеждой
Братья руки простираютъ:
Съ нею южные славяне
И живутъ, и умираютъ.

Ты опора православья;
Безъ тебя торжествъ гражданскихъ
Намъ бы видѣть не пришлося
Въ честь апостоловъ славянскихъ.

Да, Москва есть сердце Руси,
Безпредѣльнаго пространства,
А Россія — это сердце
Всей вселенной и славянства!

О, Москва! прощайся вѣчно —
До тѣхъ поръ, пока волнами
Будетъ Волга, рѣкъ царица,
Лобызаться съ берегами.

Н. Щербань.

LXXX.

ПРИВѢТЪ МОСКВѢ.

(изъ суботича).

Златоглавый городъ,
Мать-Москва родная!
Слышишь?—это голосъ
Съ береговъ Дуная!

Голосъ дальней Шары
И Коссова поля,
Что къ тебѣ несется,
Матушка, оттоля!

Древности далекой
Доблестное чадо,
Всѣмъ ты, всѣмъ славянамъ
Радость и отрада!

Городъ вѣчно юный,
Дорогой и милой,

Ты — что сонъ отрадный,
Навѣянный вилой!

Всѣ къ тебѣ мы съ юга
Устремляемъ очи,
Дивная невѣста
Свѣтлой полуночи!

Шибко бьется сердце,
Кровь вскипаетъ въ жилахъ,
Чуть тебя вспомянешь,
Мать намъ братьевъ милыхъ

Подыми же къ звѣздамъ
Голову высоко:
Орелъ — твой избранникъ,
А сынъ — ясный соколъ!

Славиться, гордиться
Можешь ты по праву,
Искони добывши
Честь себѣ и славу!

Ты въ крови купалась
И въ слезахъ горючихъ —
Истинная гордость
Россіянъ могучихъ!

Такъ услышь же, мати,
Этотъ голосъ съ юга,
Голосъ братьевъ вѣрныхъ,
Кличъ ко другу друга!

Будешь ты намъ сниться
Тамъ и днемъ и ночью,
Вся полна красою
Дивною и мощью.

Н. Берегъ.

LXXXI.

ИЗЪ КУКУЛЕВИЧА САКЦИНСКАГО.

Москва золотая,
Полсвѣта столица.
Всѣхъ ты градовъ русскихъ
Матушка-царица!

Сколько усмирила
Мать, ты всякой дичи,
Сохранивши вѣру
И старый обычай!

На тебя Россія
Цѣлая взираетъ,
Все къ тебѣ славянство
Длани простираетъ!

Подымись, царица!
Кликни кличъ къ намъ, мати!
Иль, какъ мы, ты любишь
Также подремати?

Н. Берегъ.

VI

ПРИЛОЖЕНІЕ

„Москва не городъ—міръ".

Екатерина Великая
(въ письмѣ къ Вольтеру).

Примѣч. *Въ* *этомъ* *собраніи* *пословицъ* *приведены* *не* *только* *тѣ,* *которыя* *прямо* *относятся* *къ* *Москвѣ,* *но* *и* *тѣ,* *въ* *которыхъ* *она,* *по* *какому* *бы* *то* *ни* *было* *поводу,* *поминается.* *Если* *въ* *первыхъ* *выражается* *характеристика* *ея,* *то* *въ* *послѣднихъ* *видна* *близость* *ея* *ко* *многимъ* *житейскимъ* *обстоятельствамъ* *или* *просто* *всенародная* *извѣстность,* *а* *это* *тоже,* *въ* *своемъ* *родѣ,* *характерно.* *Ко* *многимъ* *историческимъ* *пословицамъ* *приложены* *объясненія.*

LXXXII.

НАРОДНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

(ИЗЪ СБОРНИКОВЪ САХАРОВА, СНЕГИРЕВА, ДАЛЯ, БУСЛАЕВА, АѲАНАСЬЕВА, НОМИСА).

Москва всѣмъ городамъ мать.

Матушка Москва бѣлокаменная, златоглавая, хлѣбосольная, православная, словоохотливая, царелюбивая.

Москва—золотыя маковки.

Москва горбатая (на холмахъ).

Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Новгородъ—отецъ, Кіевъ—мать, Москва—сердце, Петербургъ—голова.

Не разомъ Москва построена. Не вдругъ Москва строилась.

Москва вѣками строилась.

Питеръ—кормило, Москва—кормъ.

Москва создана вѣками, Питеръ—милліонами.

Москва бьетъ съ носка, а Питеръ бока повытеръ.

Литеръ женится, Москва замужъ идетъ.

Славится Москва невѣстами, колоколами, да калачами.

Славна Москва калачами, Петербургъ—у сачами.

Въ Москвѣ калачи какъ огонь горячи.

Славна Москва калачами, а Петербургъ—сигами.

Пріѣхалъ въ Москву кормиться, нечего домой торопиться.

Хлѣба-соли покушать, краснаго звону послушать.

Въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей.

Въ Москвѣ каждый день праздникъ (по множеству церквей).

Въ Москвѣ толсто (густо, часто) звонятъ, да тонко (жидко, рѣдко) ѣдятъ (т. е. все дорого).

У Спаса бьютъ, у Николы звонятъ, у стараго Егорья часы говорятъ.

У Фрола врала, теперь пойду Николѣ повру (это старуха богомольная была на ранней у Фрола-Лавра, а на позднюю ѣдетъ къ Николѣ-во-рву).

Въ Москвѣ къ заутрени звонили, а на Вологдѣ звонъ слышали.

Не только звону, что въ Звенигородѣ (есть и въ Москвѣ).

Не только звону, что въ Москвѣ.

На недѣлѣ семь пятницъ (на Красной площади въ Москвѣ было семь обѣтныхъ Пятницъ, церквей во имя св. Параскевы-Пятницы, чтимой народомъ, который, по обѣту, въ пятки не работалъ).

Женится Иванъ Великій на Сухаревой башнѣ, беретъ въ приданое четыре калашни.

Выше Ивана Великаго.

Нагнули да и воткнули (отвѣчали мужику на вопросъ: какъ въ Ивана Великаго крестъ вкслотили).

Былъ въ Кремлѣ: видѣлъ колоколъ въ землѣ, а Ивана Великаго не замѣтилъ.

Кабы не кабы, такъ бы Ивана Великаго въ бутылку спряталъ.

Кабы Иванъ Великій былъ маленькій, я бы его въ карманъ посадилъ.

Кабы Иванъ Великій былъ маленькій, а карманъ у меня большой, я бы его туда посадилъ.

Есть чернецы да на Симоновѣ.

Есть чернецы и на Симоновѣ, да ими не хвалятся.

Кричитъ во всю Ивановскую (т. е. площадь

у Ивана Великаго или улицу въ Китай-городѣ, съ пятью церквами.

Потомъ выраженіе „во всю Ивановскую“ сдѣлалось нарицательнымъ именемъ: „скакать, валять во всю Ивановскую“, значитъ во весь духъ, во весь опоръ. „Катай во всю Ивановскую“; „дуй во всю Ивановскую“— гони и въ хвостъ и въ голову. „Пиши во всю Ивановскую“—коли кто дѣлаетъ что-нибудь на авось, на удачу.

Мое счастье на Спасскомъ мосту съ чашкой (тамъ прежде слѣпые собирались).

Вались народъ отъ Яузскихъ воротъ.

Дороже Каменнаго моста.

Съ коломенскую версту (очень большія были).

Обдержался какъ коломенскій горшокъ.

Ѣдемъ мы изъ Зарядья въ Кремль девятый день.

Въ Кудрино-то не мудрено, да изъ Кудрина мудрено.

Не Москва государю указъ, государь—Москвѣ.

Видно, городъ великъ, что семь воеводъ.

У одной овечки да семь пастуховъ. Московская семибоярщина.

Экъ куда хватилъ! Семибоярщину припомнилъ. Московская разнобоярщина.

Въ водѣ черти, въ землѣ черви, въ Крыму татары, въ Москвѣ бояре, въ лѣсу сучки, въ городѣ крючки.

Здѣсь прежде живали царскіе послы, а нынче мы (или: вы) ослы (о посольскомъ подворьѣ въ Москвѣ).

На Крестцѣ не стрѣльцамъ сборъ.

Къ Варварѣ на расправу (старинный застѣнокъ для пытки).

Московская волокита (проволочка въ судѣ).

Правда у Петра и Павла (гдѣ былъ застѣнокъ).

Правда къ Петру и Павлу ушла, а кривда по землѣ пошла.

Пришла правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенія въ Кадошахъ (намекъ на московскаго голову въ 1845 году—Шестова).

У Андронова шапка на Москвѣ не теряется.

Живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала (старинная поговорка уральскихъ казаковъ).

Москва отъ искры загорѣлась.

Отъ копѣечной свѣчи Москва загоралась (въ 1443 году Москва загорѣлась отъ свѣчи церковной св. Николы на Пескахъ, а въ 1737 г. отъ свѣчи въ домѣ Милославскаго.

Есть народная пѣсня, въ которой вспоминается и третій пожаръ:

„Въ бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ, разсуждаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
Отчего наша каменна Москва загоралась?
Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большого господина
Графа Шереметева.
Выходила его ключница
Въ новые выхода,
Заронила она искру
Воскояровой-свѣчей:
Оттого у насъ каменна Москва загоралась!"

(Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, т. I, пѣсня, стр. 246. Шереметевъ, о которомъ идетъ рѣчь, умеръ въ 1719 г.).

Отъ Бородинской пушки подъ Москвой земля дрожала.
Былъ неопаленъ (Наполеонъ), а изъ Москвы вышелъ опаленъ.
Отогрѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ.
Пропалъ какъ французъ въ Москвѣ.
Москва молодцовъ видала.
Московскіе разоренные (1812 года).

Въ теремѣ высоко, а до Москвы далеко.
Москва не клиномъ сошлась, околицы нѣтъ.
На Дону жить прохладно, на Москвѣ весело.
Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ птичьяго молока.
Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ роднаго отца-матери.
Москва любитъ запасецъ.

Въ Москвѣ недорода хлѣбу не бываетъ.
Москва людна и хлѣбна.
Была бы догадка, а на Москвѣ денегъ кадка.
Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.
Не видала Москва таракана! Эка невидаль, что каша ѣстся (равносильныя поговорки).
Московская грязь не марается.
Москва что доска,—спать широко, да кругомъ мететъ.
Въ Москвѣ деньгу беречь, себя не стеречь.
Не хвались въ Москву, а хвались изъ Москвы.
Москва кому мать, кому мачиха.
Въ Москву идти—голову нести.
Въ Москву брести—послѣднюю копѣйку несть.
Въ Москвѣ даромъ ничего не даютъ.
Въ Москву иттить—только деньгу добыть.
Москва—царство, а наша деревня рай.
Деревня родима краше Москвы.
Хороша Москва, да не дома.
Нашъ городокъ—Москвы уголокъ.
Наша околица краше Москвы.
Хорошо Хорошево да не наше, царево (дворцовое село).
Нашъ Лахомъ съ Москвой знакомъ.
Пошелъ на Москву торговать—на погорѣлое собирать.

Хотѣлъ мужикъ съ Москвы сапоги снести, а радъ съ Москвы голову унести.

Панкратъ скорохватъ! скоро къ Москвѣ пришелъ, скоро тетку нашелъ.

А что просишь за Москву (спросилъ богатый мужикъ и полѣзъ за пазуху)?

Онъ на показъ до Москвы безъ спотычки пробѣжитъ.

Была въ Москвѣ, видѣла золотыя маковки (т. е. около баръ).

Съ Москвы, съ пасада, съ авошново ряда (дразнятъ акальщиковъ).

Быу въ Москвѣ, шеу по доскѣ, упау въ грезь и стау кнезь (говорится о тѣхъ вологодцахъ, кто старается говорить московскимъ выговоромъ).

За спасибо кумъ пѣши въ Москву сходилъ.

За спасибо мужичекъ въ Москву сходилъ, да еще полспасаба домой принесъ.

Для поговорки мужикъ въ Москву пѣши шелъ.

Поѣхалъ въ Москву за пѣснями.

Дѣвичья коса—на всю Москву краса.

Что въ Москвѣ въ торгу, чтобъ было у тебя въ долгу (въ дому).

Въ Москвѣ рубятъ, а къ намъ щепки летятъ.

Въ Москвѣ рубятъ, а въ Литеръ стружки летятъ.

Первые города отъ Москвы—два девяноста верстъ (Владиміръ, Тверь, Тула, Калуга, Рязань).

Городъ Чернь годомъ старѣе Москвы.

Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ.

Ленжане свою ворону въ Москвѣ узнали.

Лошехонцы на сосну лазили, Москву смотрѣли.

Нужда изъ Сызрани въ Москву пѣши шла.

Ты чей молодечъ? Зубчевскій купечъ. А гдѣ былъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ.

Харитонъ съ Москвы прибѣжалъ съ вѣстьми.

Нашихъ дураковъ до Москвы не перевѣшаешь.

Женскаго кумовства до Москвы не перевѣшаешь.

Вашу братью и до Москвы не перевѣшаешь.

Родни не перевѣшаешь и до Москвы.

Копна отъ копны, какъ отъ Ростова до Москвы.

Бабка отъ бабки, какъ отъ Москвы до Вятки.

Ой, Москва! она бьетъ съ носка.

Бей съ носка, поминай Москву.

Бей въ доску, поминай Москву.

Москва слезамъ не вѣритъ.

Москва ни по комъ не плачетъ (ни по чемъ не тужитъ).

Москвы не разжалобишь (или: не раскве-
лишь).
Москва по нашимъ бѣдамъ не плачетъ.
И половина Москвы не провѣдаетъ.
Живучи въ Москвѣ, пожить и въ тоскѣ.
Живетъ на Москвѣ въ немалой тоскѣ.
Московскій часъ; подожди съ московскій
часъ.
Московская правда (ложь, обманъ).
Московскіе люди землю сѣютъ рожью, а
живутъ ложью.
Наши за Москвой-рѣкой спятъ, а намъ не
велятъ.
Москвичи рака со звономъ встрѣчали.
Два брата съ Арбата, а оба горбата.
Кто въ Колѣ три года проживетъ, того на
Москвѣ не обманутъ.
Показать Москву въ рѣшето (обмануть, оду-
рачить).
Шелъ молодецъ по Прѣснѣ да свалился.
Скоморохъ съ Прѣсни наигрывалъ пѣсни.
Не кручинься, женихи на Прѣснѣ есть.
Недолга оглобля, а до Москвы достаетъ.
Прямъ какъ Московская оглобля.
Такой чай, что Москву насквозь видно.
На пикахъ вся Москва вистуетъ.

Разсыпался горохъ по всей Москвѣ, по всей Вологдѣ (загадка,—звѣзды).

Кину порохомъ, станетъ горохомъ, красной Москвой, бѣлой Литвой (загадка—макъ).

У всѣхъ святыхъ на Кулижкахъ, что въ Кожуховѣ, за Пречистенскими вороты, въ Тверской Ямской слободѣ, не доходя Таганки, на Ваганкѣ, въ Малыхъ Лужникахъ, что въ Гончарахъ, на Воргунихѣ у Николы въ Толмачахъ, на Трехъ горахъ... и проч. (т. е. нигдѣ).

За Яузой на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ, близъ Вшивой горки на Петровкѣ, не доходя Покровки. За Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мѣщанской, въ Кожевникахъ, прошедши Котельниковъ, въ Кисловкѣ подъ Дѣвичьимъ, въ Гончарахъ на Трехъ горахъ, въ самыхъ Пушкаряхъ, на Лубянкѣ, на самой Полянкѣ, и проч. и проч. (т. е. нигдѣ).

Москва на злыдняхъ збудована, тай злыднями годована (злыдни—година бѣдствій, нужда, голодъ). У литовцевъ злыдни—родъ домовыхъ.

Москва слезамъ не вірить.

Въ Москву зъ грішми, зъ Москвы зъ вішми. У ляхівъ—паны. на Москві—ребъята, а у насъ—браты.

Бовъ—бовъ по московській брехні.

Московській часъ—якъ жидівскій заразъ.

Зъ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи.

Москаль не великъ чоловікъ, да ба! (опасенъ).

Москаль верты (обманывай, дѣлай какъ онъ).

Відъ москаля полы вріжь да втікай.

Мать: Хто йде? Дочь: чортъ. Мать: дармо, дочко, абы не москаль.

Одъ чорта одхрестышься, а одъ москаля дубиною не одібъешься.

LXXXIII.

КЪ БИБЛІОГРАФІИ МОСКВЫ.

Въ каталогѣ Чертковской библіотеки (М. 1838 и 1863) положено начало библіографіи московской—указаны книги о Москвѣ, ея монастыряхъ и окрестностяхъ (№№ 657—711); дополненіемъ можетъ служить книга г. Хавскаго „Указатель исторіи и географіи Москвы“ (М. 1839); различные журнальные указатели показываютъ, что въ журналахъ напечатано о Москвѣ въ разныхъ отношеніяхъ. Мы предлагаемъ здѣсь попытку библіографіи исключительно—литературной; но при этомъ мы поставлены въ возможность указать только тѣ книги и журнальныя статьи, которыя отмѣчены именемъ Москвы и самимъ заглавіемъ своимъ примыкаютъ къ Москвѣ и ея окрестностямъ. Свои указанія располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ, по слѣдующимъ отдѣламъ:

I Стихотворенія, поэмы, легенды, сказки;
II Повѣсти и разсказы;
III Историко-литературныя статьи;
IV Драмы, оперы;
V Періодическія изданія.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ, ПОЭМЫ, ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ

1 Освобожденная Москва, поэма В. Майкова. 1772 (безъ конца, напечат. въ Сочиненіяхъ В. Майкова, Спб. 1867).

2 Пѣснь на побѣду подъ Москвою, октября 11, А. Соколова, Спб. 1812 (Смирдинъ, № 7946).
3 Москва, оплакивающая бѣдствія свои, нанесенныя ей въ 1812 году, соч. священника Матѳея Абрамова. М. 1814 (Смирд. 8098).
4 Пѣснь на открытіе въ Москвѣ Дворянскаго Собранія, кн. Вяземскаго, „Сынъ Отеч.“ 1815, т. XIX, с.
5 104. Пѣснь на заложеніе храма Христа Спасителя, А. Мерзлякова, М. 1817 (Смирд. 7957).
6 На заложеніе храма на Воробьевыхъ горахъ, Д. Глѣбова, М. 1817 (Ѳедоровъ, № 4180).
7 Освобожденная Москва, поэма А. Волкова, М. 1820 („Сынъ Отеч“. 1821, т. 68, с. 10—23); изд. 2-е, М. 1826 (Смирд. 6694 и 10481; „Моск. Телегр.“ 1826, ч. X, с. 241).
8 Освобожденіе Москвы, стих. И. Дмитріева, Спб. 1823, ч. I, стр. 21.
9 Московскій плѣнникъ, повѣсть въ стихахъ, соч. Ѳ. С—ва, М. 1829 (Смирд. 10502).
10 Москва и Парижъ въ 1812 и 1814 г. Воспоминаніе въ разностопныхъ стихахъ, кн. А. А. Шаховскаго, Спб. 1830 (Межовъ 10177).
11 Къ Москвѣ, А. Волкова, „Моск. Телегр.“ 1825, № 17, с. 38.
12 Кремль, стих. Трилуннаго, „Телескопъ“ 1831, № 4, с. 513.
13 Масляница на Москвѣ-рѣкѣ, шуточное стихотвореніе А. П.—М. 1831 (Смирд. 11675).
14 Хоръ, пѣтый въ Московскомъ благородномъ собраніи, по случаю прекращенія холеры, стих. Языкова, Спб. 1858, ч. II, стр. 2.
15 Стихи въ торжеств. собраніи Моск. университ. К. Аксакова, „Молва“ 1835, № 3.
16 Пожаръ Москвы (на малоросс. языкѣ) „Думки и пѣсни“, А. Могилы. Харьковъ, 1839, с. 101—104.
17 Въ день заложенія храма Христа Спасителя въ Москвѣ, кн. Шаховскаго, „Р. Инвал.“ 1839, № 242.
18 Москвѣ благотворительной, стих. Ѳ. Глинки. М. 1840 („Отеч. Зап.“ 1840, № 5, „Р. Лит.“, стр. 12).
19 Москва, стих. Ѳ. Кони. Пантеонъ 1841, стр. 121.
20 Москва, ст. Волкова, „Москвит.“ 1842, № 1, Смѣсь, 72.
21 Москва, „Маякъ“ 1842, т. 1, с. 8, 3—ій.

22 Кремль, И. В—а (Ваненка). „Москвит.“ 1842, т. IV, 2.
23 Москва и Кавказъ, повѣствовательный разсказъ Е. Гончаровскаго. М. 1844 (Смирд. 16037). Тоже, М. 1848 („Отечеств. Зап.“ 1844, т. 36, VI, 16; 1848, т. 59, VI, 97).
24 Пожаръ Москвы, Д. Герасимова, „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1843, Труды воспитанниковъ.
25 Марьина роща, пов. въ стихахъ, А. М. Спб. 1818 (Смирд. 6765).
26 Нескучное, или досугъ С. Новикова, Спб. 1830 (Смирд. 11620).
27 Московскія минеральныя воды, пов. въ стихахъ, Иволева, М. 1831 (Смирд. 11656).
28 Три желанія, московское народное преданіе, въ стихахъ, Ѳ. С—ва, М. 1830 (Смирд. 11834).
29 День въ Москвѣ, стих. А. Полежаева, М. 1832, стр. 237—261. Не вошло въ новое изданіе его.
30 Московская сказка о чудѣ поганомъ, М. 1842 (Смирд. 16046).
31 Двѣ прогулки въ Ново-Дѣвичій монастырь, Ел. Шаховой, „Сынъ Отеч.“ 1842, № 9.
32 Москва, три пѣсни Вл. Филимонова, Спб. 1845 („Отеч. Зап.“ 1845, т. 40, VI, 15).
33 Московскій гостиный дворъ, стих., написанное съ натуры, въ 9 картинахъ, М. 1847 (Смирд. 16043).
34 Москва и сынъ родины, „Чтеніе для солдатъ“, 1849, № 1, стих. Ал. Соколова.
35 Разговоръ въ Кремлѣ, стих. К. Павловой, Спб. 1854 („Соврем.“ 1854, № 9, Библіографія).
36 Секретъ, стих. Некрасова, Соврем. 1856, № 8.
37 Москва, „Чтеніе для солдатъ“, 1857, № 4.
38 Московскія элегіи, М. Дмитріева, М. 1858, перепеч. въ сочин. М. Дмитріева, ч. 2, М. 1865 (Соч. Добролюбова, Спб. 1862, II, 233—239).
39 Московскій Алкивіадъ. } въ книгѣ „Диссонансы“
40 Московскій поэтъ. } стихотвор. Б. Адаманта, М. 1863, стр. 13,
41 Похороны „Русской Рѣчи“. } 69, 76, 132.
42 Московскій театръ. }
43 Подмосковная, стих. кн. В. А. Вяземскаго, Спб. 1865, 8 дол., 7 стр.

II. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

44 Старичекъ-весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были, Спб. 1789, 1790 и 1815.
45 Видѣніе, бывшее мнѣ въ Москвѣ въ ночь на 16 августа 1796, М. 1798 (Смирд. 10604).
46 Московская свадьба, нравственно-сатирическій романъ, М. 1831 (Смирд. 11886).
47 Москворѣцкіе рыболовы, пов. Ѳ. Кузмичева, М. 1834 (Смирд. 16042).
48 Основаніе Москвы, или смерть боярина С. И. Кучки, историч. романъ, соч. И. К—ва, 4 ч., М. 1836.
49 Московскій европеецъ, Библ. д. чт. 1837, т. XX, № 38.
50 Московскій калачъ, разсказъ М. Быстрорѣцкаго, М. 1841 (Смирд. 16044).
51 Очерки московской жизни, Вистенгофа, М. 1842 (Ольхинъ 2218; Межовъ 10654).
52 Московскія свахи, разсказъ. М. 1848 (Смирд. 16045).
53 Москва и Москвичи, М. Загоскина, 4 выпуска, М. 1842—1850 (Смирд. 16038; Межовъ 10587; Современн. 1848, т. XI).
54 Москва-золотыя маковки, два разсказа В. Потанова, М. 1851 (Смирд. 18181).
55 Московская самоварница, П. Мед....а, М. 1854.
56 Очерки Москвы, Н. Скавронскаго (А. С. Ушакова), 2 вып., М. 1862—1866 (Межовъ 10653).
57 Московскія тайны, разсказъ сыщика, М. Максимова, М. 1861—1862.
58 Московскія норы и трущобы, собрали М. А. Вороновъ и А. И. Левитовъ. М. 1866 2, т. („Книжн. Вѣсти.“ 1866, № 9—10, стр. 209).
59 Московскій соръ. Очерки, разсказы и сцены штыкъ-юнкера въ отставкѣ. М. 1870.
60 Московскія берлоги и кочующій москвичъ, М. Евстигнѣева, М. 1870.
61 Москва и Тверь, историческ. повѣсть В. Кельсіева, Спб. 1871.
62 Московскіе артисты въ Петербургѣ, Спб. 1871.
63 Московскій шиньонъ или ярославецъ въ петербургскихъ когтяхъ. Спб. 1871.

64 Московскія трущобы и благодѣтельный адвокатъ. Н. Истомина. М. 1872.
65 Кузнецкій мостъ. Юморист.-сатирич. иллюстриров. альбомъ. Спб. 1873.
66 Московская чума и разбойникъ Кузьма Рощинъ. Спб. 1873.
67 Московскіе сынки и дочки. М. 1873.
68 Московскій листокъ, М. 1873.
69 Убійца, романъ изъ русскаго оконченнаго дѣла (совершеннаго въ Москвѣ), П. Салманова. Спб. 1877.

III. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

70 Записки современника. Дневникъ студента 1805—1807. Спб. 1859.
71 Толки московскаго жителя. М. 1813 (Смирд. 6283).
72 Московскія небылицы въ лицахъ, М. 1813, 16°, 45 стр.
73 Москва, мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московскія. Новый Живописецъ. 1832, ч. 6, стр. 255 (изъ „Моск. Телеграфа“).
74 Сравненія, замѣчанія и мечтанія по московскимъ улицамъ. Новый Живописецъ. 1832, VI. 27.
75 О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III, „Учен. Записки Моск. Универс.“ 1834, №№ 1 и 2.
76 О пожарахъ московскихъ до самозванцевъ. М. С. Скромненко, „Сѣв. Пчела“ 1834, №№ 295—300.
77 Письмо Макарова о древней и старинной Москвѣ, „Русск. Инв.“ 1835, № 15.
78 Прогулка по Москвѣ. „Соврем.“ 1836. т. III, стр. 260.
79 О Москвѣ. Писано для Государя Наслѣдника, М. Погодина, М., 1837.
80 Москва, И. Панаева, „Литер. Прибл. къ Русск. Инв.“ 1839—40.
81 Петербургъ и Москва, Герсеванова. „Сынъ Отеч.“, 1839, № 5.
82 Впечатлѣнія и достопримѣчательности Москвы, „Сѣв. Пчела“ 1840, №№ 206, 243.

83 Московскіе перекрестки, Снегирева. „Москвитянинъ“, 1841, № 3.

84 Каникулы 1844 г. или поѣздка въ Москву, А. Ишимовой. Спб. 1843 („Соврем.“ 1846, № 1, стр. 133).

85 Петербургъ и Москва, Сочин. Бѣлинскаго, т. XII (1862), стр. 192—234, изъ 1 части „Физіологіи Петербурга“, 1845 г.

86 Московскій Кремль въ натурѣ или модель Кремля.— Вырѣзанныя бумажныя изображенія соборовъ, церквей, зданій и всѣхъ достопримѣчательностей Кремля, съ присоединеніемъ книги, въ которой находится описаніе сихъ изображеній. Составилъ Ив. Ваненко изд. Дм. Трегубова. М. 1845 („Отеч. Зап.“ 1845, т. 39, VI, 40; „Современ.“, 1845, № 5).

87 Семисотлѣтіе Москвы, К. Аксакова (Соч. К. Аксакова. М., 1861, I, стр. 598).

88 Москва, 1147—1847. Разсказы москвитянина, П. В. Ш., Спб., 1847 („Отеч. Зап.“ 1847, т. 54, VI, 8).

89 Нѣсколько словъ о Москвѣ и Петербургѣ, статья Л. „Современ.“ 1847, № 4, отд. II, стр. 63—74.

90 Станція Едрово (параллель Москвы и Петербурга); „Московск. Город. Листокъ“ 1847, № 59.

91 Московскія удовольствія, „Отеч. Зап.“ 1847, т. 52, VIII, стр. 71.

92 Очеркъ исторіи Москвы, С. Соловьева, „Моск. Вѣдом.“, 1849, №№ 119, 120, 136, 137.

93 Москва, „Живоп. Сборникъ“ 1850, стр. 138—149, съ рисунками.

94 Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII столѣтія, „Соврем.“ 1852, т. 32, Ив. Забѣлина.

95 Письмо (о Москвѣ) пріятелю въ Симбирскъ, Ф. Вигеля, „Москов. унив. благор. пансіонъ“, Н. Сушкова, М., 1858, Приложенія, стр. 8—21.

96 Московскіе рынки, сочин. Ив. Кокорева, М., 1858, т. III.

97 Москва и москвичи, В. Сухарева (В. А. Слѣпцова) „Рус. Рѣчь“ 1861, №№ 1 и 3.

98 Москва и ея окрестности 12 статей А. И. Левитова, „Сѣверн. Сіяніе“ 1863, т. II, съ гравюрами.

99 Guide du voyageur à Moscou, par A. Gatzouk. Moscou 1871, 16°, 118 et VII pages.
100 Москва, подробное описаніе, изд. А. Мартынова, текстъ Ив. Снегирева, М., 1873.
101 Вся Москва на ладони. М., 1874.
102 Часы Москвы, къ 200 л. юбилею Петра Великаго, соч. П. Хавскаго, М., 1874.
103 Дѣти Москвы. Н. Щедрина. „Отеч. Зап.“ 1877, № 1.
104 Москва и Петербургъ, „Новое Время“, 1878, № 766, апрѣля 16, фельетонъ Незнакомца.

IV. ДРАМЫ, ОПЕРЫ.

105 Освобожденная Москва, трагедія въ 5 д., соч. М. Хераскова, М., 1798. (Араповъ въ своей „Лѣтописи русскаго театра“ говоритъ, что трагедія имѣла большой успѣхъ, стр. 173).
106 Вѣсти, или убитый живой, комедія графа Ѳ. Растопчина, М., 1809.
107 Сцены въ Москвѣ въ 1812 г., народное драматическое представленіе, соч. Ив. Скобелева, Спб. 1839. („Отеч. Зап.“ 1840, № 1, отд. VI, стр. 12; „Соврем.“ 1840, № 2, стр. 135).
108 Жизнь за Царя, опера М. Глинки, 1836.
109 Комедіи Загоскина.
110 Горе отъ ума, Грибоѣдова, 1831 (первое представленіе).
111 Московскій театралъ, И. А. — М. 1845 („Соврем.“ 1845, № 8, стр. 205; „Отеч. Зап.“ 1845, т. 41, VI, 44).
112 Москва, поэма въ лицахъ и дѣйствіяхъ, въ 5 частяхъ, Н. В. Сушкова („Отеч. Зап.“ 1847, № 4, VI, 49; „Современ.“ 1847, № 4; „Библ. д. чтенія“ 1847, т. 81, VI, 25—84).
113 Освобожденіе Москвы въ 1612 г., К. Аксакова, М., 1848 („Соврем.“ 1848, т. IX, отд. III, стр. 49).
114 Ермилъ Ивановичъ Костровъ, драма Кукольника, 1852.

115 Женихъ изъ ножевой линіи.
116 Купецъ-Лабазникъ. М. Владыкина.
117 Почти всѣ пьесы Островскаго.

V. ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Изъ длиннаго перечня ихъ, выходившихъ въ теченіе болѣе 100 лѣтъ въ Москвѣ, перечисляемъ только тѣ, которыя заимствовали отъ Москвы свое имя. Приводимъ ихъ по алфавиту.

1 Москва, ежедневная газета, И. Аксакова, 1867.
2 Москвичъ (вмѣсто „Москвы“ издавался нѣсколько дней).
3 Москвитянинъ, ежемѣс. журналъ, Погодина, 1841—1856.
4 Московская Биржевая газета, 1871.
5 Московская газета, 1866.
6 Московская медицинская газета, съ 1858.
7 Московскій Альманахъ, С. Глинки, 1826.
8 — Врачебный Вѣстникъ, 1873.
9 — Врачебный Журналъ, 1847—1859.
10 — Вѣстникъ, 1809, еженед., М. Н. Макарова.
11 — Вѣстникъ, 1827—1830, ежем., Погодина.
12 — Вѣстникъ, 1859—1860, ежен., Воронцова-Вельяминова.
13 — Городской Листокъ, 1847, Драшусова, 283 №№.
14 — Журналъ, 1791—1792, Карамзина. Второе изданіе, 1801—1803.
15 — Зритель, 1806, ежем., кн. Шаликова.
16 — Курьеръ, 1805—1806, Н. Львова, еженед.
17 — Курьеръ, 1861, газета, превращ. на 125 № въ „Оберточный Листокъ“.
18 — Листокъ, 1874.
19 — Меркурій, 1803, Н. Макарова.

20	Московскій	Наблюдатель. 1835—1839. Андросова и Бѣлинскаго.
21	—	Литературный и Ученый Сборникъ, 1846, 47, 52.
22	—	Собесѣдникъ. 1806. ежем.
23	—	Телеграфъ. 1825—1834. Полеваго.
24	Московскія	Вѣдомости. съ 1756 года.
25	—	Епархіальныя Вѣдомости. 1869.
26	—	Университетскія Извѣстія. 1865.
27	—	Ученыя Вѣдомости. 1805—1806.
28	—	Церковныя Вѣдомости, 1880.
29	Московское	ежемѣс. изданіе. Новикова. 1781.
30	—	Обозрѣніе. 1859. Лакса. 2 книжки.
31	—	Обозрѣніе. 1876. газета Хрущова-Сокольникова.

LXXXIV.

ПИСАТЕЛИ-УРОЖЕНЦЫ МОСКВЫ.

Рожденіе.	
1672	Императоръ Петръ Великій.
1726	Н. Г. Курагинъ.
1736	В. П. Петровъ.
1743	Д. И. Фонъ-Визинъ.
1763	Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.
1764	Кн. И. М. Долгорукій.
1765	В. С. Подшиваловъ.
1768	И. А. Крыловъ.
1770	В. Л. Пушкинъ.
1773	Вл. В. Измайловъ.
1779	А. Ѳ. Воейковъ.
—	И. И. Козловъ.
1784	Д. В. Давыдовъ.
1792	Кн. П. А. Вяземскій.
1795	А. С. Грибоѣдовъ.
1796	М. А. Дмитріевъ.
1798	Баронъ А. А. Дельвигъ.

1799 А. С. Пушкинъ.
1802 Кн. А. И. Одоевскій.
1803 Кн. Вл. Ѳ. Одоевскій.
1804 А. С. Хомяковъ.
1805 Н. Ф. Павловъ.
— Д. В. Веневитиновъ.
— Н. Гр. Цыгановъ.
— Д. Т. Ленскій.
1810 Н. И. Грековъ.
1811 Графъ. Е. П. Ростопчина.
— Ѳ. А. Кони.
1812 А. И. Герценъ.
1815 М. Ю. Лермонтовъ.
— П. А. Ѳедотовъ.
1818 Ѳ. Б. Миллеръ.
1821 А. Н. Майковъ.
1822 Л. А. Мей.
— А. А. Григорьевъ.
— Ѳ. М. Достоевскій.
1824 А. Н. Островскій.
1835 А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ.
1841 В. П. Буренинъ.

LXXXV.

ИЗВѢСТНѢЙШІЕ ПИСАТЕЛИ, ПОГРЕБЕННЫЕ ВЪ МОСКВѢ.

Кончина.

1676 Епифаній Славинецкій, въ Чудовѣ.
1744 Кн. А. Д. Кантемиръ, въ Греческ. монастырѣ.
1777 А. П. Сумароковъ, въ Донскомъ монастырѣ.
1778 В. И. Майковъ.
1783 А. О. Аблесимовъ.
1796 Е. И. Костровъ.
1807 М. М. Херасковъ.
1819 Архіеп. Августинъ Виноградскій.
1820 Р. Ѳ. Тимковскій.

1823 Кн. П. М. Долгорукій, въ Донскомъ монастырѣ.
1824 Кн. Д. П. Горчаковъ.
1825 Гр. О. В. Растопчинъ, на Пятницкомъ кладбищѣ.
1827 Д. В. Веневитиновъ.
1828 А. И. Писаревъ, въ Покровскомъ монастырѣ.
1830 В. Л. Пушкинъ.
— А. О. Мерзляковъ, на Ваганьков. кладбищѣ.
1833 Н. Гр. Цыгановъ.
1837 П. И. Дмитріевъ, въ Донскомъ монастырѣ.
1838 А. И. Полежаевъ.
1839 Ю. П. Венелинъ, въ Данилов. монастырѣ.
1841 П. М. Шатровъ.
1842 М. Т. Каченовскій.
1845 Д. Л. Крюковъ.
1846 Кн. А. А. Шаховской.
— Н. М. Языковъ, въ Даниловѣ монастырѣ.
1848 А. А. Прокоповичъ-Антонскій, въ Донскомъ монастырѣ.
1852 Н. В. Гоголь въ Даниловѣ монастырѣ.
— М. Н. Загоскинъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.
1853 И. Т. Кокоревъ.
1855 С. Е. Раичъ.
— В. И. Красовъ.
— Т. Н. Грановскій, на Пятницкомъ кладбищѣ.
1856 Ф. Ф. Вигель.
— П. Я. Чаадаевъ.
1857 Ѳ. Л. Морошкинъ.
1858 Гр. Е. П. Растопчина, на Пятницкомъ кладбищѣ.
— П. Н. Кудрявцевъ.
— К. Ф. Рулье.
— А. Д. Чертковъ.
1859 С. Т. Аксаковъ.
1860 К. С. Аксаковъ.
— Д. Т. Ленскій.
1861 П. Н. Араповъ.
1863 М. С. Щепкинъ.
1864 С. П. Шевыревъ.
— Н. Ф. Павловъ.
— В. М. Уидольскій, на Симоновомъ кладбищѣ.
1865 С. В. Ешевскій.
1866 Н. П. Грековъ.
— М. А. Дмитріевъ.

1867 Митр. Филаретъ, въ Сергіевской лаврѣ.
— Н. Рамазановъ.
1869 И. И. Лажечниковъ.
— Кн. Вл. Ѳ. Одоевскій, въ Донскомъ монастырѣ.
1870 А. Ѳ. Вельтманъ.
— С. А. Соболевскій.
1871 Н. В. Сушковъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.
— А. Н. Аѳанасьевъ.
1872 В. И. Даль.
— П. М. Садовскій.
1874 П. Д. Юркевичъ.
1875 П. М. Леонтьевъ.
— М. П. Погодинъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.
1876 П. М. Строевъ на Пятницкомъ кладбищѣ.
— Ю. Ѳ. Самаринъ, въ Даниловѣ монастырѣ.
— Б. Н. Алмазовъ.
— П. В. Хавскій.
1877 А. И. Левитовъ.
— П. А. Ильенковъ.
— О. М. Бодянскій, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.
1877 Н. А. Степановъ.
— Ѳ. В. Чижовъ.
1878 Кн. Вл. А. Черкасскій, въ Даниловѣ монастырѣ.
1879 С. М. Соловьевъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

LXXXVI.

ХРОНОЛОГІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ МОСКВѢ.

1147 Основаніе Москвы княземъ Юр. Вл. Долгорукимъ-Суздальскимъ.
1238 Разореніе и сожженіе Батыемъ (февр. 3).
1323 Св. Петръ, митрополитъ, переноситъ каѳедру изъ Владиміра.
1325 Заложеніе Успенскаго собора, первой каменной церкви въ Москвѣ, обрушившейся неконченною.

1328 Москва—столица Россіи. Начало Московскаго государства.
1347 Помѣстный соборъ при в. кн. Симеонѣ Гордомъ объ исправленіи монашества и противъ стригольниковъ. Тогда же новый годъ положено считать съ 1-го сентября.
1352 Моровая язва.
1354 Основаніе Троице-Сергіевой лавры.
1383 Сожженіе Москвы Тохтамышемъ.
1401 Помѣстный соборъ при м. Кипріанѣ.
1404 Первые боевые часы на дворѣ великаго князя.
1408 Употребленіе пушекъ при оборонѣ противъ Эдигея.
1433 Построеніе перваго каменнаго дома архіепископомъ Евѳиміемъ.
1441 Помѣстный соборъ при в. кн. Василіи противъ митр. Исидора-уніата.
1445 Страшное землетрясеніе.
1451 Сожженіе татарами.
1478 Подчиненіе Новгорода Москвѣ.
1479 Освященіе Успенскаго собора, нынѣ существующаго.
1487 Начало постройки Грановитой палаты (окончена 1491).
1490 Помѣстный соборъ при в. кн. Іоаннѣ III противъ Жидовской ереси.
1492 Помѣстный соборъ о пасхальномъ кругѣ и о кончинѣ міра.
1497 Изданіе Судебника.
1499 Построеніе перваго каменнаго дворца.
1503 Помѣстный соборъ объ исправленіи духовенства, объ уничтоженіи пошлинъ и сборовъ при постановленіи священно-служителей.
1504 Первая полиція въ Москвѣ (Карамз., VI т., 7. пр. 613).
1534 Заложеніе городской стѣны съ башнями вокругъ Китай-города.
1551 Стоглавый соборъ при Іоаннѣ IV о церковномъ исправленіи.
1553 Заведеніе первой типографіи (апр. 19).
1564 Напечатана первая книга—Апостолъ.
1567 Соборъ, предоставившій право всѣмъ россійскимъ митрополитамъ носить бѣлый клобукъ.
1571 Сожженіе Москвы крымскими татарами.

1581 Первая аптека.
1589 Помѣстный соборъ при царѣ Ѳеодорѣ объ учрежденіи въ Россіи патріаршаго престола.
1601 Построеніе колокольни „Иванъ Великій“.
1605 Въѣздъ Димитрія Самозванца (іюня 20).
1606 Убіеніе Димитрія Самозванца (мая 17).
— Помѣстный соборъ, низложившій патріарха Игнатія и избравшій Гермогена.
1611 Сожженіе поляками (марта 19).
1612 Освобожденіе отъ поляковъ (окт. 22).
1613 Въѣздъ царя Михаила Ѳедоровича Романова (мая 2).
1619 Помѣстный соборъ, избравшій патр. Филарета.
1621 Помѣстный соборъ о правилахъ принятія въ православіе.
1649 Изданіе Уложенія (25 янв.).
1652 Изданіе Кормчей книги.
1654 и 1655 Соборъ при патр. Никонѣ объ исправленіи церковныхъ книгъ.
1655 Моровая язва.
1665 Помѣстный соборъ надъ поносившими исправленіе книгъ.
1666 и 67 Низложеніе патр. Никона (12 дек.).
1672 Рожденіе Петра Великаго (30 мая).
1674 Помѣстный соборъ о переводѣ Библіи съ греческаго языка.
1678 Учрежденіе Заиконоспасскаго училища.
— Помѣстный соборъ о совершеніи обряда хожденія на осляти.
1682 Основаніе славяно-греко-латинской академіи.
— Помѣстный соборъ противъ Никиты Пустосвята.
1700 Учрежденіе инженерной школы.
1701 Учрежденіе школы математическихъ и навигаторскихъ наукъ.
1703 Изданіе первыхъ русскихъ вѣдомостей.
1706 Учрежденіе военнаго госпиталя, съ медицинскимъ училищемъ и анатомическимъ театромъ.
1713 Перенесеніе столицы въ Петербургъ.
1714 Помѣстный соборъ при митр. Стефанѣ Яворскомъ противъ новыхъ еретиковъ—русскихъ западниковъ.
1727 Петръ II переноситъ резиденцію въ Москву.
1733 Перенесеніе резиденціи снова въ Петербургъ.

1755 Основаніе Московскаго университета съ медицинскимъ факультетомъ и двумя гимназіями.
1762 Учрежденіе Воспитательнаго дома.
1771 Моровая язва и бунтъ.
1772 Учрежденіе Коммерческаго училища.
1775 Казнь Пугачева.
1803 Учрежденіе Екатерининскаго института.
— Учрежденіе Странноприимнаго дома графа Н. П. Шереметева.
1812 Вступленіе Наполеона (2 сент.).
— Выходъ его и взрывъ Кремля въ пяти мѣстахъ (11 окт.).
1717 Закладка храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ.
1817 Рожденіе Императора Александра II (въ среду свѣтлой недѣли, 17 апр., въ 11 час. утра).
— Открытіе памятника Минину и Пожарскому.
1829 Первая выставка мануфактурныхъ издѣлій.
1839 Заложеніе храма Спасителя близъ Кремля.
1847 Семисотлѣтіе Москвы.
1855 Столѣтіе университета (янв. 12).
1866 Открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій (апр. 23).
1867 Этнографическая выставка и славянскій съѣздъ.
1872 Политехническая выставка, въ память 200-лѣтія Петра Великаго.
1880 Открытіе памятника Пушкину.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Москва и ея окрестности.

гл. стр.

1. Въѣздъ въ Москву. А. Пушкина 1

(Моск. Вѣстн. 1828, ч. VII, № 1, стр. 5. Глава VII изъ «Евг. Онѣгина», строфы XXXVI—XXXVIII. Соч. Пушкина, т. IV, стр. 165—166, изд. Анненкова).

2. Москва (отрывокъ). Ив. Дмитріева 3

(Стихотворенія Ив. Дмитріева, Спб. 1823, ч. I, стр. 21—22).

3. Въ Москвѣ (отрывокъ), Н. Языкова. 4

(Стихотв. Н. Языкова, Спб. 1858, ч. II, стр. 39—40).

4. Москва (отрывокъ). Е. Баратынскаго 6

(Сочин. его Москва, 1869, стр. 298).

5. Москва, Вл. Бенедиктова 7

(Современникъ 1838, т. IX, стр. 133—136; перепечатано въ измѣненномъ видѣ въ «Собраніи стихотвореній В. Бенедиктова». Спб. 1856, т. II, стр. 115—118. Мы сдѣлали выборку изъ обѣихъ редакцій).

6. Москва (отрывокъ). Эд. Губера 11

(Соч. Э. Губера, Спб. 1859, т. I, стр. 291—294).

7. Къ Москвѣ, —Θ— 14

(Это псевдонимъ Клюшникова, Пв. Петр.; Отеч. Зап. 1840, № 12).

8. Въ Москву, гр. Е. Растопчиной 16

(Современникъ 1840, № 4, стр. 300—301. Перепечатано въ нѣсколько измѣнен. видѣ въ «Стих. гр. Растопчиной». Спб. 1857, т. I, стр. 313—314. Бѣлинскій называлъ его особенно замѣчательнымъ по теплотѣ чувства и прелести выраженія (IV, 240).

9. Видъ Москвы, ея же. 19

10. Графинѣ Растопчиной (по поводу двухъ предыдущихъ пьесъ), К. Павловой 22
(Стихотв. К. Павловой. Москва, 1863, стр. 28—29).
11. Москва. К. Аксакова. 24
(Журн. для чтенія воспит. в.-уч. зав. 1845, т. 55, стр. 385.—Соврем. 1846, № 6, Разное, стр. 346).
12. Москва. Ѳ. Глинки 26
(Москвит. 1841, № 1. — Русск. Вѣстн. 1841, № 3, изд. Н. Греча, Полеваго и Кукольника, въ Спб.).
13. Москва, К. Павловой 29
(Стихотв. К. Павловой, Москва, 1863, стр. 47. — Рауть 1854, стр. 196).
14. Нашимъ порицателямъ, М. Дмитріева. 32
(Стихотв. М. Дмитріева. Москва, 1865, ч. I, стр. 179).
15. Молитва Иверской, Е. Милькѣева 33
(Стихотв. Е. Милькѣева. Москва 1843, стр. 79—80).
16. Кремль, Н. Станкевича 34
(Литерат. Газета 1831, № 7, стр. 54).
17. Москва и Кремль, А. Волкова 35
(Москвит. 1842, № 1).
18. Кремль, Н. О—ва. 41
(Отеч. Зап. 1840, № 5, стр. 100).
19. Кремль, М. Дмитріева 42
(Стихотворенія М. Дмитріева. Москва, 1865, ч. II, стр. 53—54).
20. Московскій Кремль, Трилуннаго 45
21. Московскій Кремль, И. Бороздны. 48
(Лучи и Тѣни, Москва. 1847, стр. 41).
22. Кремль при лунномъ свѣтѣ, М. Загоскина. . . . 52
23. Пасхальная полночь въ Кремлѣ, С. Жихарева. . 56
(Записки современника съ 1805 по 1819 г., ч. I, дневникъ студента, Спб., 1859, стр. 69—70).
24. Великая полночь, И. Бороздны 58
(Литературн. Вечера, стр. 341—344).
25. Кремлевская заутреня на Пасху, А. Хомякова. . 62
(Москвитян. 1850, т. III, стр. 1; перепеч. въ «Стихотв. Хомякова», Москва, 1861, стр. 100—101).

26. Иванъ Великій. А. Полежаева 64
(Кальянъ, Стихотв. А. Полежаева. Москва, 1833, 16°, стр. 125—130).
27. Иванъ Великій. Е. Милькѣева 68
(Стихотв. Е. Милькѣева, Москва. 1843. стр. 171).
28. Колоколъ въ Кремлѣ, Е. Милькѣева. 69
(Стихотв. Е. Милькѣева. Москва 1843, стр. 32—34: продолженіе см. тамъ же, стр. 34—36, или въ Современ. 1840, № 2, стр. 249—252).
29. Посѣщая Московскую Оружейную Палату, гр. Растопчиной. 71
(Стихотв. гр. Растопчиной, Спб., 1857, т. II, стран. 25—26).
30. Площадь у Никольскихъ воротъ. М. Дмитріева. . 73
(Стих. М. Дмитріева, Москва, 1865, ч. II. стр. 80—81).
31. Кремлевскій садъ. А. Полежаева 75
(Стих. А. Полежаева. Москва 1832, стр. 206—208).
32. Сухарева башня, Е. Милькѣева 77
(Современ. 1841, № 3, стр. 167—171; стих. Е. Милькѣева. Москва 1843, стр. 14—19).
33. Прѣсненскіе пруды. М. Дмитріева 82
(Стих. М. Дмитріева. Москва 1865, ч. II, стр. 86—87).
34. Новодѣвичій монастырь, гр. Е. Растопчиной . . . 84
(Стих. гр. Растопчиной. Спб. 1857, т. I, стр. 83—85).
35. Москва съ Воробьевыхъ горъ. И. Козлова . . . 87
(Собраніе стихотв. Ив. Козлова, Спб.. 1840, ч. I, стр. 44—46).
36. Воробьевы горы, Ап. Майкова 89
(Стих. Ап. Майкова, Спб., 1842, стр. 32—35; во всѣхъ прочихъ изданіяхъ стихотвореній Майкова эта пьеса опущена).
37. Окрестности Москвы, И. Козлова 92
(Собраніе стих. Спб. 1840, ч. I, стр. 113, 114, 115).
38. Новинское. Е. Баратынскаго 94
(Стих. Е. Баратынскаго. Москва 1869. стр. 300—301).
39. Новинское. М. Дмитріева 96
(Стих. М. Дмитріева, Москва, 1865, ч. II. стр. 110—111).
40. Прогулка въ Кусковѣ, кн. И. Долгорукаго 98
(Соч. Долгорукаго, Спб., 1849, т. I, стр. 148—152).

41. Поклонная гора, М. Дмитріева 103
(Стих. М. Дмитріева. Москва 1865, стр. 70—72).
42. Ваганьково кладбище, М. Дмитріева 106
(Стих. М. Дмитріева. Москва 1865, ч. II, стр. 57—59).
43. Экспромтъ (Мытищи), Н. Языкова 109
(Стих. Н. Языкова. Спб. 1858, ч. II, стр. 296).

II.

1812 годъ и другія замѣчательныя эпохи.

44. Отрывокъ, К. Рылѣева 113
(Сочин. К. Рылѣева. Спб. 1875, изд. 2, стр. 181).
45. Русскій среди пылающей Москвы, Тимофѣева . . 114
(Опыты Т. м. ч. а., Спб., 1837, т. I, стр. 277—278).
46. Посланіе къ Жуковскому, кн. Вяземскаго. . . . 116
(Труды Общ. Любит. Рос. Слов. при Московск. унив., ч. V, стр. 71).
47. Къ Д. В. Давыдову, К. Батюшкова 118
(Сочин. въ прозѣ и стихахъ К. Батюшкова, Спб., 1834, ч. II, стр. 61—63).
48. Пѣснь на взятіе Парижа (отрывки), кн. Вяземскаго 121
49. Пѣвецъ въ Кремлѣ, Жуковскаго 123
(Сочин. его. Спб. 1878, т. I, стр. 407—409).
50. Отрывокъ изъ воспоминаній, А. Пушкина 126
(Сочин. А. Пушкина, изд. Анненкова, Спб., 1855, т. II, стр. 85—86).
51. Французы въ Москвѣ, Н. Языкова 128
(Стихотв. Н. М. Языкова. Спб. 1858, ч. II, стр. 57—58; изъ стихотворенія Д. В. Давыдову).
52. Куплеты, гр. Е. Растопчиной 130
(Стихотв. гр. Е. Растопчиной. Спб. 1857, т. II, стр. 441).
53. Утро въ Москвѣ 17 апр. 1818 г., Жуковскаго . . 132
(Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, Спб. 1878, т. II, стр. 55, 56, 57).

54. Москва при Д. В. Голицынѣ (отрывокъ), кн. Вяземскаго 134
(Въ дорогѣ и дома, Москва, 1862, стр. 243).
55. Москва въ день ея семисотлѣтія, М. Дмитріева . 136
(Стих. М. Дмитріева, Москва, 1865, ч. I, стр. 168—170).
56. Москвѣ, А. Майкова. 140
(Стих. А. Майкова, Спб., 1855).
57. Москва. Августъ 1856 г., кн. Вяземскаго 142
(Моск. Вѣдом. 1856, № 127).
58. Куплеты, гр. Соллогуба 145
(Русскій 1867, стр. 294—295).

III.

Московскій бытъ.

59. Къ Всеволожскому, А. Пушкина 151
(См. полнѣе въ Русск. Старинѣ 1880, № 1, стр. 191).
60. Московскіе обѣды. Е. Баратынскаго 155
(Стихотв. Е. Баратынскаго, Москва, 1835 ч. II, стр. 37—39).
61. Москва, А. Пушкина 158
(Сочин. А. Пушкина, изд. Анненкова, Спб. 1855, т. VI, стр. 78—81; Библ. Зап. 1859, № 6. См. еще слова Пушкина, сказанныя Вигелю, въ книгѣ Сушкова М. У. Бл. П., стр. 16).
62. Тостъ за Москву 165
(Молва 1833, № 44, стр. 175).
63. Петербургъ и Москва. Н. Гоголя 166
(Изъ Соврем. 1837, т. VI, стр. 403—40. Бѣлинскій вспомнилъ объ этой статьѣ чрезъ 8 лѣтъ и привелъ большой отрывокъ изъ нея въ своей статьѣ «Петербургъ и Москва», напечатанной въ сборникѣ Некрасова «Физіологія Петербурга» (1845 г., ч. 1 и; см. соч. Бѣлинскаго, М. 1862, т. XII, стр. 230—231), но при этомъ кое-что опустилъ, какъ устарѣлое, на кое что предложилъ свои замѣчанія).— Гоголь не вводилъ своей статьи въ собраніе сочиненій; только послѣ смерти его она появилась впервые въ изданіи г. Кулиша, Сбн 1857, т. II, стр. 587—589).
64. Москва и Петербургъ (отрывокъ), И—ра 171
(Московскій Городской Листокъ, 1846).
65. Москва сороковыхъ годовъ (изъ записокъ А. И. Г.) 187.

66. Олегъ. грамматикъ странный 191
(Молва 1857, № 31, стр. 351; соч. Добролюбова, Спб. 1862, т. IV, стр. 475, въ примѣчаніи).
67. Очерки Москвы, I, II, III, кн. П. Вяземскаго . . 192
(Въ дорогѣ и дома собраніе стихотвореній князя П. А. Вяземскаго, М., 1862, стр. 46—51).
68. Былъ чудный майскій день въ Москвѣ. А. Фета . 200
(Стих. А. Фета, М., 1863 ч. 1, стр. 225).
69. Отрывочныя замѣтки. 202
70. Изъ комедіи А. С. Грибоѣдова: „Горе отъ ума".

IV.

Юмористическій.

71. Петербургское посланіе, Н. Некрасова 209
(Современникъ. 1860 г., № 3, Свистокъ, № 4, стр. 31—33).
72. У Иверской часовни, Н. Щербина 213
73. Москва, Д. Минаева 214
(Думы и пѣсни Д. Д. Минаева, Спб. 1864, ч. II. стр. 285—287).
74. Сравненіе Петербурга съ Москвою, кн. Вяземскаго. 216.
75. Клубъ московскій, Н. Некрасова. 218
(Стихотворенія Н. Некрасова, Спб. 1874, т. III, ч. 5, стр. 205—206).
76. Nocturno, Д. Минаева 220
(Думы и пѣсни Д. Минаева, Спб. 1863, ч. 1, стр. 177).
— Москва. Г. Грановскаго 222

V.

Славяне о Москвѣ.

— Великая панихида, Челяковскаго 225
(Отголоски славянской поэзіи, М., 1861).
77. Изъ Коллара 247
(Поэзія славянъ, стр. 352).
78. Москва (изъ Сундечича) 228
(Поэзія славянъ, изд. Гербеля, Спб. 1871, стр. 284—285).

79. Наша надежда (изъ Медича) 229
(Поэзія славянъ, изд. П. Гербеля, Спб., 1871, стр. 293).
80. Привѣтъ Москвѣ (изъ Субботича). 232
(Поэзія славянъ, изд. Гербеля, Спб., 1871, стр. 272).
81. Изъ Кукулевича Сакцинскаго. Н. Берга 235
(Поэзія славянъ, изд. П. Гербеля, Спб. 1871, стр. 268—269).

VI.

Приложеніе.

82. Народныя пословицы и поговорки 239
(Изъ сборниковъ Сахарова, Снегирева, Даля, Буслаева, Аѳанасьева, Номиса).
83. Къ библіографіи Москвы 1
84. Писатели, уроженцы Москвы 9
85. Извѣстнѣйшіе писатели, погребенные въ Москвѣ. 10
86. Хронологія замѣчательнѣйшихъ событій въ Москвѣ 12

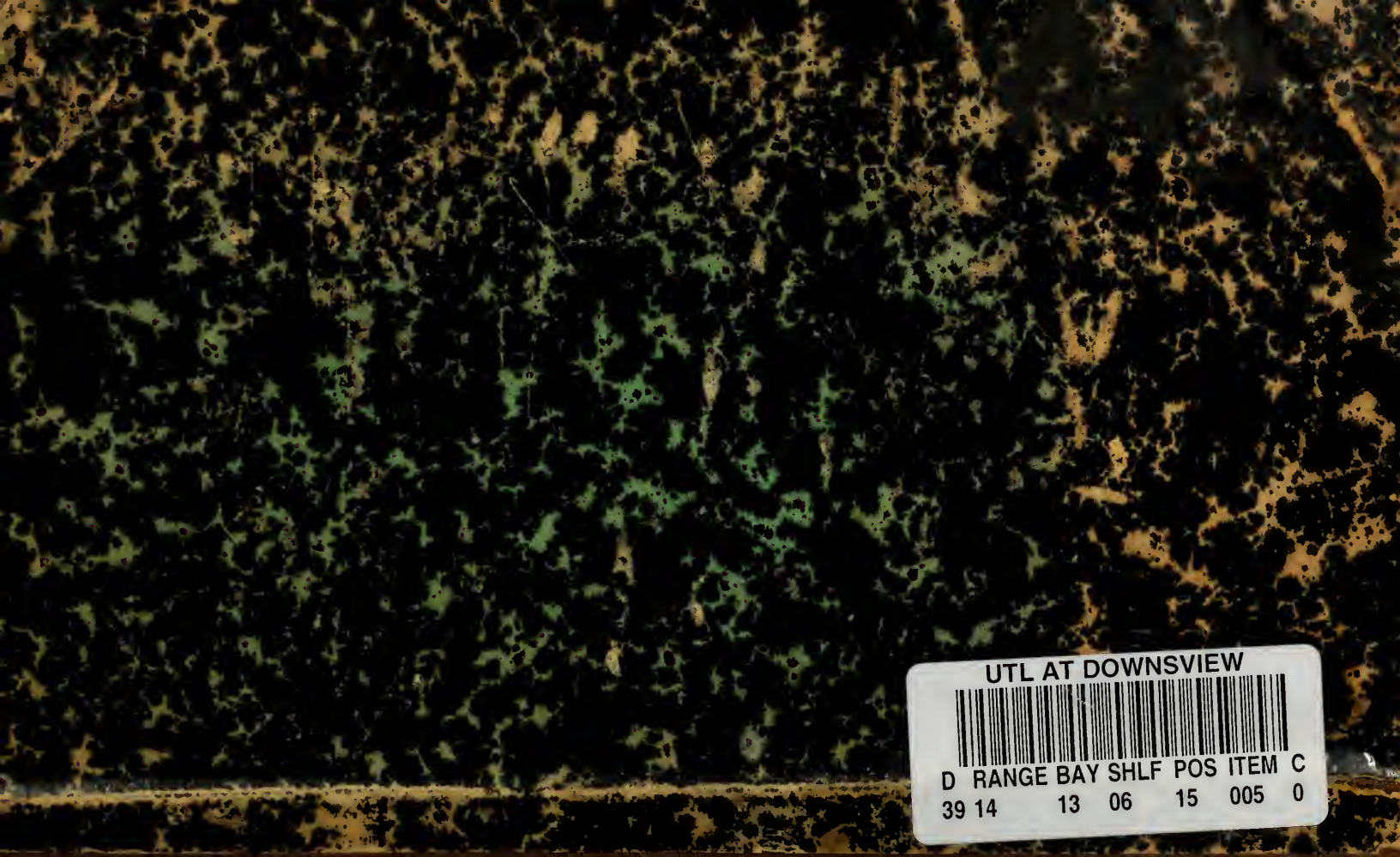
Содержаніе 17

PG
3232
P6

Ponomarev, Stepan Ivanovich
Moskva v rodnoĭ poėzii

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY


UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 13 06 15 005 0